

Три дороги во Тьму

Сергей Садов

Постижение

«Автор»

«Лениздат»

2008

Садов С.

Постижение / С. Садов — «Автор», «Лениздат», 2008 — (Три дороги во Тьму)

Издавна противостояли друг другу Церковь и Империя, издавна играли друг против друга Инквизиция и Контора, две самые страшные и самые безжалостные спецслужбы мира Танр – подставляли, убивали, компрометировали чужих агентов. Но случилось так, что о старой вражде пришлось забыть. Забыть, чтобы просто выжить. Забыть потому, что уже родились Трое – три великих черных мага, призванных полной мерой отплатить потомкам убийц за геноцид народа дзенн-анн-в'иннал, народа Тьмы, никогда не умевшего и не желавшего воевать, никогда не знавшего насилия и полностью погибшего по вине людей.

© Садов С., 2008

© Автор, 2008

© Лениздат, 2008

Содержание

1.	5
2.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Садов, Иар Эльтеррус

Три дороги во Тьму. Постижение

1.

Странный, отдающийся в голове звон не сразу разбудил Стиора, он еще довольно долго сидел на краю кровати и тряс головой, пытаясь прийти в себя и понять, что же случилось. Только вылив на голову с полкувшина холодной воды, старый маг осознал – звон доносится сверху, из Хранилища. И, похоже, этот звон издает именно то, хранителем чего он был уже седьмой десяток лет. Стиору стало дурно, перед глазами поплыли темные круги.

«Но ведь... – с трудом прошептал он пересохшими губами. – Но ведь... Ну, не может это случиться, так же не бывает, чтобы вот так-то... Почему не тогда, когда я мечтал об этом, ну почему?!»

Даже не накинув халата, как был, в старых штопаных подштанниках, маг вылетел из спальни и понесся по лестнице вверх. Он никак не мог поверить, что это случилось при его жизни, давно подыскивал себе замену и надеялся спокойно дожить отпущенные провидением годы. Ведь не было никаких признаков, ничто не предвещало рождения Троиц, да вот, родились, будь они неладны. Давным-давно учитель говорил тогда еще молодому и горящему жаждой деятельности магу, что сменится не одно поколение хранителей, прежде чем случится то, что должно произойти. И что никак не ему, Стиору арн Наду, быть ответственным за великое Возрождение. И вот – на тебе, сподобился... Да еще и в старости, когда сил уже нет совсем. Ему недавно стукнуло сто двенадцать лет, и маг, хотя выглядел лет на пятьдесят, искренне считал себя глубоким стариком. Самым страшным было, что у него до сих пор нет ученика, некого отправить вместо себя на поиски родившегося, да просто довериться некому.

Старик вздохнул, остановившись у резной, черного дерева двери. Что ж, ему «повезло», и теперь придется расхлебывать заварившуюся кашу.

«Будь оно все проклято!» – выругался старый маг и в сердцах стукнул по стенке, ушибив руку.

Отведя таким образом душу, он отпер дверь и вошел, все еще искренне надеясь, что ошибся. Увы... Потерянный Жезл коротко вспыхивал синим светом и звенел. Проклятый звон! Маг стоял посреди комнаты и смотрел на то, что завершало его спокойную, тихую жизнь и обрекало на тяжкие испытания. Что ж, Стиор арн Над не остановится ни перед чем, чтобы произошло предначертанное.

Он молча пожевал губами и подошел к нише, где хранился все эти десятилетия Потерянный Жезл. Коротким заклинанием маг заставил проклятую штуковину замолчать – не хватало только, чтобы кто-нибудь услышал этот звон и заинтересовался: а что это происходит в башне старого отшельника? Особенно – кто-нибудь из других магов... Тогда за его старую шкуру нельзя будет дать и ломаного гроша, а преемника нет, не сумел, к сожалению, найти талантливого бунтаря. Достаточно смелого, чтобы прикоснуться к запретному. Да, буквально все, с кем сталкивался Стиор в последние несколько десятилетий, мыслили штампами, и никто не желал ни над чем задумываться. Попадались, безусловно, и очень талантливые, умные люди, но и они не осмеливались переступить через возведенный в сознании барьер. Не пытались переосмыслить вбитые с детства догмы. Магия Тьмы испокон веков была вне закона, считалась страшным злом, против которого все средства хороши. Даже здесь, в империи, где привечали всех и каждого вне зависимости от их вида. Однако Тьму почему-то огульно объявили злом, даже не задумываясь, что это несправедливо. Никому не пришло в голову спросить: «Почему? За что?» Никому...

Тяжело вздохнув, Стиор приложил Потерянный Жезл ко лбу. Тот мягко зажужжал и начал погружаться в его череп. Это не было иллюзией, при Слиянии жезл действительно становился на некоторое время единым целым с мозгом мага. Через несколько мгновений его уже не было видно, только легкое свечение в глазах старика говорило, что что-то здесь не так. Стиор всегда ненавидел Слияние, ему дорого обходились полученные таким образом знания – несколько суток дикой мигрени порой. Но иного выхода нет. Он не строил иллюзий и понимал, что вскоре по следу родившихся этой ночью пойдут лучшие ищейки Церкви и Конторы. При воспоминании о последней Стиор содрогнулся – казалось, люди проклятого Вихря вездесуши. Старик стоял, держась рукой за стену, пока информация с жезла усваивалась мозгом. Колени противно дрожали от слабости, все тело покрывал пот, он тяжело дышал. Но, в конце концов, попытка закончилась.

Маг присел на стоящий в другом углу табурет, слегка отдышался и прикрыл глаза, одновременно произнося слово активации. Перед глазами тут же вспыхнула карта родного мира. Дзарн. Дзи-Ар. Лли-Эл. Тхорворд. Танр. Сам Стиор предпочитал последнее имя, так как был родом из Крон Арингара, необычной страны с двумя равноправными столицами, где жило больше гномов, чем людей. В свое время гномы из старого рода Ганказад поселились на освобожденных от эльфов землях и построили два города, Крон и Арингар. Много позже там появились люди и расселились рядом со своими низкорослыми соседями. Гномы поначалу не обращали на них внимания, но потом пришлось – человеческое честолюбие не знало пределов, и люди захватили Арингар. Однако через столетие, как это ни странно, бывшие враги объединились, и в Крон Арингаре стали править две династии – гномья и человеческая, причем, вместе. Когда пришла Церковь, кронарингарцы вынужденно приняли веру в Спасителя, и их оставили в покое.

Стиор был сыном уличной шлюхи, умершей родами, и выжил буквально чудом, оказавшись на улицах Крона с раннего детства. Как-то так вышло, что малыша подобрал старик-гном, тоже нищий, без кола и двора. Поэтому будущий маг с детства куда лучше знал гномов, чем людей. Да о чем речь, его первой женщиной стала симпатичная гнома, неизвестно почему заинтересовавшаяся худым нескладным юнцом. При воспоминании об этом старик мимолетно улыбнулся – таких эпизодов у него в жизни было очень мало, и он берег память о каждом, как о чем-то драгоценном. В те времена он задумывался о чем угодно, но и представить себе не мог того, что вскоре случится. Стиору в голову не приходило, что он станет одной из «черных ворон», как, плюясь, называли магов в Крон Арингаре. Скажи ему кто об этом, он бы долго смеялся. Только от судьбы не уйдешь. От многого старик хотел бы отказаться в своей нескладной жизни, но это было невозможно. Учитель приучил его смотреть в глаза реальности и не строить иллюзий. Никаких и никогда.

Маг встряхнулся, избавляясь от воспоминаний. Пора браться за дело, на грусть о прошлом времени нет. Он снова активировал внедрившийся в мозг жезл. Тут же на все еще висящей перед внутренним взором карте зажглась ярко-алая пульсирующая точка. Стиор всмотрелся и глухо выругался сквозь зубы. Родившийся изволил появиться на свет не где-нибудь, а на юго-западе Коствада, в самой, что ни на есть, дикой глуши. Да туда добираться, по меньшей мере, года три, если не четыре...

– Это что же? – едва слышно спросил сам себя он. – Это мне теперь туда свои старые кости через полмира тащить, что ли?

Похоже, именно так. Старик глухо застонал сквозь зубы и проклял все на свете, одновременно понимая, что утро застанет его уже в дороге. Иначе не мог – всю жизнь долг был для него превыше всего. Он сам, по собственному выбору возложил на себя после смерти учителя обязанности хранителя. А значит, теперь обязан исполнить их до конца, невзирая ни на какие препятствия. Даже умереть он теперь не имел права – никто, кроме него, не сделает должное. Нет у него ученика, так уж сложилось. Самому придется, и ничего с этим не поделаешь – кто-

то должен помочь родившемуся стать тем, кем тот обязан стать. А люди?.. Да почти все люди и нелюди на Танре отдали бы что угодно, лишь бы он потерпел неудачу! Только бы не дать родившемуся стать одним из Трех. Слишком они боялись Ушедшего, слишком сильно им вбили в головы, что Тьма может быть только злом. Маг давно уже не пытался ничего объяснять даже самым умным – бесполезно, в этом вопросе как будто кто-то навесил им шоры на глаза. Что ж, Стиор предпримет все усилия для того, чтобы родившийся исполнил предназначенное. Если удастся... Ведь тот вполне может и не стать одним из Трех, прожив бесполезную, никчемную жизнь обычного человека. Как ни горько это осознавать.

Старому магу очень не хотелось покинуть насиженное место. Он уже больше пятидесяти лет жил в своей башне, доставшейся от учителя, и успел к ней привыкнуть, даже сродниться, что ли. Империя Над была единственной страной на Танре, где к магам относились вполне лояльно и даже уважительно. Их не травили, не жгли на кострах, как во всем остальном мире. Церковь, конечно, имела определенное влияние и здесь, но была отделена от государства и никак не влияла на политику, что безмерно раздражало святых отцов. Императоры династии арн Над цепко держали власть, и их подданным жилось неплохо – налоги были невысоки, как и цены, поэтому жили в империи куда богаче многих иных стран. И уж никогда не было здесь беспросветной нищеты и отчаяния, царящих в «святом» Фалноре, оплоте воинствующей Церкви Спасителя. Там за неосторожно сказанное слово человека объявляли еретиком и отправляли на костер. А уж о магии и не заикнись. Магов и всех нелюдей, кроме гномов, эльфов и сатиров, объявили недостойными жизни, подлежащими искоренению во имя заветов Спасителя. Да еще грифонам позволяли жить. Но их не считали разумными – детей отбирали у родителей совсем маленькими и выращивали полуживотными, предназначенными только для перевозки всадников.

Церковь пыталась насадить такие порядки во всем мире, но это не больно-то у святых отцов получалось – нелюди почему-то не хотели покорно умирать во славу Спасителя и упорно сопротивлялись. Да и империя принимала всех без разбору – драконов, dwarфов, сатиров, гномов, орков, людей, эльфов, грифонов – всех изгнанников и беглецов, давая им дом и работу по способностям. Живи еще в этом мире дзенны, и они нашли бы себе новый дом в Наде. Если бы, конечно, гордые до безумия древние согласились принять чужую помощь, что было весьма сомнительно – обычно дзенн предпочитали смерть. Церковь присутствовала и в империи, но вмешиваться во что-либо церковникам не давали. А за пропаганду нетерпимости в тот же день высылали из страны. Вот и приходилось святым отцам соблюдать величайшую осторожность в проповедях.

Фалнор часто воевал с империей Над, но все страны вокруг нее тут же сплывались, выступая против Церкви единым фронтом, и сообща сокрушали армию паладинов – слишком боялись усиления позиций святых отцов. Но каждый раз такая война стоила большой крови. Больше всех обычно доставалось Ландзаду, граничащему с Фалнором на севере. Хотя империя Над всегда приходила на помощь, разрушения на территории Ланзада были огромны, паладины не щадили никого и никогда. Любой, вставший на защиту семьи, объявлялся слугой Зверя, еретиком и отступником. А потом безжалостно уничтожался вместе с этой самой семьей. Не щадили даже младенцев. Ни города, ни деревни не оставалось после прохода армии Святой Матери-Церкви, только выжженная, мертвая пустыня. Миль двести пограничных территорий Ландзада стояли безжизненными – никто не рисковал селиться там. Лишь отдельные небольшие гарнизоны смертников находились у границы, чтобы успеть предупредить об очередном нашествии паладинов.

Маг недовольно поморщился и потер переносицу, вспоминая все это. Он принялся разрабатывать маршрут своего путешествия, тщательно, как привык делать все. Так приучил его еще учитель, а позже он и сам убедился в преимуществе такого подхода.

Итак, Коствад находится в центре другого большого материка Танра – Арбадона, в северном полушарии. Придется проделать долгий путь. Быстрее всего добираться туда сушей через Ландзад и Фалнор, а потом морем – до какого-нибудь из портовых городов Джоудана. Если бы у последнего еще существовали портовые города... От них, к сожалению, остались только развалины. Разве что уговорить моряков высадить его где-то на «проклятом» побережье. И опять сушей до Коствада. Так ведь не уговоришь, побоятся и приближаться, сколько кораблей, пытавшихся подойти к берегам некогда богатой и процветающей страны, бесследно исчезли.

Было у такого маршрута еще одно серьезное «но» – уже сотни лет ни один из магов без крайней необходимости не рисковал приезжать в Фалнор. В молодости Стиор побывал там под видом монаха и едва спасся – его вычислили уже через две недели, пришлось спешно бежать. С трудом ушел – фалнорские спецслужбы работали хорошо. Да и в других странах Церкви магу тоже нежелательно появляться. Ни в Анзамене, ни в Вораме, ни в Лодуне, ни в Туаге, ни в Кадаире. Ищущие Святой Инквизиции обладали какой-то странной силой и отыскивали прячущихся магов очень быстро. Судьба пойманных «врагов Спасителя» была одинаковой – несчастные умирали долго и страшно.

Несмотря на то, что многие государства постоянно воевали с Фалнором, позиции Церкви Спасителя все время усиливались, только империя Над не давала святым отцам полностью воцариться на Танре. Ученых, магов, поэтов и искателей истины становилось с каждым годом все меньше, мир постепенно скатывался в невежество, наследие дзенн и иных древних, мудрых народов забывалось. Это было страшно, особенно для тех, кто понимал, что происходит. Маги, конечно, нашли убежище в империи, но даже они постепенно становились все более косными и малообразованными. Магия превращалась в балаганный розыгрыш, потеху толпы. Она была жестко ограничена сводом правил, разработанных, по мнению Стиора, сворой недоумков. И никто среди магов империи, даже в разговорах между собой, не осмеливался и заикнуться о Тьме, а уж тем более – о пути Тьмы. Заходить за эту грань не позволялось никогда и никому. За смелые вопросы студента Ассамблеи могли исключить. Но все равно, изредка находились те, кто осмеливался пойти в неведомое. Правда, каждому такому смельчаку приходилось скрываться, таить свои стремления от окружающих, жить двойной, а то и тройной жизнью. Это было очень трудно, почти невозможно, и ищущих странного становилось все меньше и меньше. Вот и хранителю уже не удалось отыскать себе ученика.

Стиор не боялся смерти, но сейчас не мог позволить себе рисковать: его задача – донести матрицу до родившегося. Донести и обучить всему необходимому. Хотя родился сегодня, конечно, не один, а все Трое. Вот только остальные двое его никак не касались, на то жили где-то на Танре еще два хранителя. А Стиор должен добраться до Коствада и выполнить свой долг. Да, на смерть он теперь права не имел.

Маг отчего-то снова задумался о Джоудане. Терра Инкогнита. Уже больше полутысячи лет никто не мог проникнуть за кольцо гор, окружающее внутренние области этой страны. А если это кому-то и удавалось, он не возвращался, чтобы рассказать об увиденном. К сожалению, придется искать другую дорогу.

Стиор сжал зубы. Может, оно и к лучшему, что тот, для кого он хранил реликвии, уже родился. Ведь после его смерти некому было бы занять место хранителя. По крайней мере, он обучит одного из Трех. Научит быть магом Тьмы. Трудно, конечно, покинуть место, где прожил почти всю жизнь, и пускаться в неизвестность. Но выбора нет, как бы ни хотел иного Стиор – может, родившийся станет одним из тех, кто сумеет изменить этот проклятый мир, и вытащит его из дикости и невежества?

– Хватит ныть, старый осел! – приказал маг сам себе, и его голос прозвучал неожиданно гулко, в глазах впервые за многие годы горела решимость.

Путь через земли Церкви заказан, придется добираться морем. Стиор снова развернул перед внутренним взором карту. Да, пожалуй, так будет лучше всего. Значит, отсюда до ост-

рова Борн, из его столицы – сушей до Оорга, а там – через Срединный архипелаг на каботажниках до острова Ларба. Оттуда – до острова Тсорм, а там – какой вариант первым подвернется, тот и сойдет. Хоть до Туага, а потом через Лодун и Чернолесье. Хоть до Ворама – это даже лучше, Чернолесье можно будет миновать, соваться туда магу не хотелось. Если совсем уж повезет, попадетсся судно до одного из портов Коствада. Но последнее почти невероятно – Коствад мало кого интересовал и мало что мог предложить купцам – нищая и малонаселенная страна. Да и один из Трех родился в самой, что ни на есть, глуши, на юго-западе Коствада, где сплошные леса. Маг обдумал возможные маршруты и понял, что других вариантов нет. В Эльвадар тоже лучше не соваться – эльфы относятся к человеческим магам не лучше церковников, считая магию своей прерогативой.

Решив, что делать, Стиор мрачно усмехнулся и подошел к невысокому черному постаменту, скромно стоящему в углу. На нем лежало несколько растрепанных старых книг, и постамент вряд ли мог привлечь чужое внимание. Но он не был тем, чем казался. Именно там хранились медальоны, несущие матрицы Тьмы, но хранились таким образом, что открыться миру могли только, когда предназначенные им разумные уже жили. Никакое светлое или темное заклятие не могло вырвать их из спячки. Но время настало. И то, что матрицы готовы выйти из укрытия, где ждали тысячи лет, наполняло душу старого мага мрачной гордостью. Он приготовился к первому и единственному произнесению заклятия Открытия Врат. Впервые за свою жизнь Стиор открыл все доступные ему энергетические каналы, впервые за сотни лет в Инзиуре, оплоте магии Света, сплеталось черное заклятие такой мощи. Казалось, дрожали сами основы мира, когда губы старика произносили страшные, нечеловеческие слова. Заклинания были в свое время разработаны последними выжившими дзенн, именно их маги сохранили наследие Ушедшего. Древний народ давно был уничтожен Церковью, только отдельные существа иных племен хранили жалкие остатки наследия великой цивилизации.

Тихо звучал напев дзеннской песни-заклятия. Потоки силы рвали на части тело мага, он едва удерживал их в узде. То, что заклятие работало, было еще одним признаком рождения Трех. Старик почти обессилел, когда все, наконец, завершилось. Казалось, весь мир тихонько вздохнул, и на освобожденном от книг постаменте начали медленно проявляться четыре медальона цвета самой темной из возможных ночи. Один, побольше – в центре, и три, поменьше – вокруг него. Если бы кто-нибудь внимательно взгляделся в них, ему показалось бы, что какие-то странные искорки проскальзывают в бездонной черноте, смотрящий не смог бы оторваться, ему бы слышался рев урагана и клекот штормовых волн.

Но Стиор не знал, что еще в двух тщательно скрытых от постороннего взора укрытиях в разных точках Танра на точно таких же постаментах появились такие же медальоны. Он не мог знать, что остался последним хранителем истинной Тьмы в мире. И остальные четверки матриц остались лежать, открытые взорам любого желающего, так как места их хранения тоже были открыты заклинанием Стиора. Правда, в руках того, кому не предназначены, они останутся всего лишь медальонами.

Старый маг сразу увидел суть медальонов, да и не были они медальонами, только выглядели ими. Глупец, возможно, и попытался бы взять силу матриц себе, но Стиор глупцом, слава Создателю, не был – уж он-то прекрасно знал, чем чревата такая неосторожность. Если бы он решился рискнуть, то мгновенно лишился бы любой удачи. Доведя несчастного до отчаянного положения, матрица ушла бы сама, а он остался бы медленно и мучительно умирать. Каждая из них сама выбирала себе носителя, и никак иначе. Стиор провел над медальонами ладонью и удовлетворенно хмыкнул – средний ощутимо пульсировал, чувствуя рождение того, кому предназначен. А теперь – самое опасное. Маг начал чеканить слова заклинания переноса, четко понимая, что если сделает хоть одну ошибку, то умрет на месте. И смерть его легкой не будет. Однако он не ошибся – медальоны исчезли, а на его запястье появились четыре черные

туманные полосы. Теперь он – всего лишь носитель матриц, обязанный передать силу тому, кто способен ее воспринять. Пора собираться в дорогу.

Утро застало Стиора уже в порту. Он почти ничего не взял с собой – много ли старику нужно? Пару смен одежды и деньги на ночлег и горячий ужин. Впрочем, о деньгах можно не беспокоиться – когда прирожденному магу требовались деньги, они приходили сами собой. Также он захватил посох мага, превращенный в обычную веревку, которой обвязался под одеждой. Стиору совсем не надо было сообщать всем вокруг – вот, мол, колдун идет. Из иной атрибутики своего ремесла старик не взял ничего. Это нынешние недоучки пользуются в основном рунной и предметной магией, высшая ее степень предполагает использование слова и прямого мыследействия. И эта высшая магия сейчас мало кому доступна, в Ассамблее студентов обучают тому, что она почти невозможна... Что является уделом редких избранных Всевышнего.

Горько осознавать, что истинная магия уходит из мира – невежество все упорнее отвоевывает позиции у знания. Правда, в этом есть один плюс – никто в нынешней Ассамблее не знает о его истинных возможностях. Слишком много лет старый маг ни с кем не общался – только в Ассамблее бывал иногда, но и там давно не осталось никого из его поколения, кто мог бы помнить о способностях оскопленного во имя высших политических интересов принца-бастарда. Стиор оскалился при воспоминании о том, что с ним сделали в молодости. Больше восьмидесяти лет прошло, а рана в душе так и не зажила. Не простил. И не простит!

Старик надеялся, что его отсутствия в Инзиуре никто не заметит. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь начал задаваться вопросами: «А куда это вдруг подевался старый чудаковатый маг-отшельник? Что за срочные дела сорвали его с давно и прочно насиженного места?» Ведь когда трактирщик, поставляющий в его башню еду, сообщит, что Стиор арн Над исчез, этим обязательно заинтересуются. Будь проклята его принадлежность к императорской семье! Из-за нее эти вопросы обязательно кто-нибудь задаст. Задаст и начнет поиски ответов, что обязательно заинтересует Контору. А после нее – и Церковь. При мысли об Ищущих Святой Инквизиции мага передернуло. Не хватало только вывести их на родившегося... Он, конечно, уничтожит улики в своей башне, но ведь любому ясно, что маг или инквизитор выше третьего ранга без проблем обнаружат следы черных заклятий. А после этого охота за ним начнется всерьез. И Контора, и Инквизиция ни перед чем не остановятся, только бы заполучить его старую шкуру в свои загребушие ручки. Допускать такого нельзя, и Стиор решил отвлечь возможных преследователей. Лучше всего, похоже, если его посчитают мертвым. Маг испытывал раздражение – ему не терпелось отправиться в путь, а приходится заниматься всякими глупостями.

Он окинул взглядом причал. Необходимо подсунуть Страже труп, который мог бы сойти за него, а значит, придется найти подходящего бродягу. Неподалеку сидело несколько оборванных портовых нищих, и маг кивнул своим мыслям. Вон тот покрытый коростой старик, сидящий в стороне от других, похож фигурой на него самого.

«Прости меня, человеке... – неслышно прошептал Стиор. – Мы оба отжили свой век, но у меня еще есть важное дело, а ты просто бессмысленно мучаешься. Прости. Ты умрешь без боли, обещаю...»

Прошло несколько часов, и случайные прохожие были привлечены огнем, внезапно вырвавшимся из окон угрюмой башни старого полубезумного мага-отшельника, которого и видеть-то почти никому не приходилось. Даже трактирщик, приносивший ему еду, просто оставлял ее на пороге, а придя домой, обнаруживал на кухонном столе золото. Так было уже много лет, и при упоминании об этом маге люди крутили пальцами у виска. Из запылавшей башни доносились страшные крики, наполненные болью. Тут же сбежалась толпа, кого-то послали за Стражей и в Ассамблею. Приехавшие очень быстро пожарные не смогли даже подступиться к башне, настолько сильным оказался жар – волосы вспыхивали при попытке приблизиться, и людям осталось только бессильно стоять и смотреть в ожидании магов.

Вдруг в верхнем окне башне показалась пылающая фигура и бросилась вниз. Толпа изумленно выдохнула, когда тело несчастного рухнуло на камни мостовой. Его тут же залили водой, попытались как-то помочь, но поздно – человек был мертв, да к тому же обгорел до неузнаваемости. Подоспевшие вскоре маги и стражники потушили огонь, но башня успела выгореть полностью, даже перекрытий не осталось. Мертвеца опознали по медальону Ассамблеи на шее. Им оказался, как и ожидалось, хозяин башни, престарелый и давно сошедший с ума маг Стиор арн Над. Стражников несколько удивила императорская фамилия, но старший маг что-то прошептал на ухо лейтенанту, который изумленно посмотрел на мертвеца и увел своих людей, отдав магу составленный протокол. А тот, поставив в известность о случившемся Контору, как полагалось в случае смерти любого из членов императорской семьи, удалился восвояси. У него хватало своих дел. Зеваки тоже постепенно разошлись, полностью уверенные в том, что старый дурень что-то напутал в заклинании из-за склероза и сжег себя сам.

* * *

Его святейшество, первосвященник Церкви Второго Спасителя Светозар VI проснулся посреди ночи в холодном поту. Сердце колотилось как бешеное и, казалось, стремилось вырваться из груди. Перед глазами плавали черные круги, дыхание было хриплым. Таких пробуждений у него еще не случалось. Произошло что-то страшное, что-то угрожающее не только ему, но и всему миру, переворачивающее все вокруг с ног на голову. В этом его святейшество был полностью уверен. Он всегда доверял своим предчувствиям, они никогда не подводили первосвященника и не раз спасали ему жизнь еще в бытность Ищущим Святой Инквизиции. Но никогда еще ощущение надвигающейся беды не достигало такой силы и четкости. Перед глазами стояли пылающие и рушащиеся города, гигантская черная тень медленно вздымалась из бездны. Первосвященника колотило, ужас темной волной поднимался со дна души.

«Что это? – растерянно спрашивал он себя. – Такого не может быть... Ничего же не случилось...»

Действительно, какая беда могла угрожать Матери-Церкви на Танре? Ее позиции становились все прочнее, несмотря на отчаянное сопротивление империи Над. Так чего же бояться? Что может угрожать не только Церкви, но и всему миру? Первосвященник задавал себе эти вопросы и не знал ответов, но был уверен, что беда уже идет, что она уже на пороге. Неужели это Спаситель предупредил его? Но думать так слишком самонадеянно, и Светозар поспешно оборвал крамольные мысли. С трудом встав с кровати, он проковылял к столу и жадно выпил бокал легкого эльфийского вина. Спать пресвятой отец больше не мог и рухнул в кресло, продолжая размышлять о кошмарном пробуждении. Его размышления прервал осторожный стук в дверь. Изумившись, что кто-то осмелился потревожить его покой ночью, первосвященник хрипло каркнул:

– Ну, кто там?!

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась лисья мордочка его секретаря, отца-приора Лександра Болдина, препротивнейшей, но крайне полезной личности.

– Ваше святейшество... – пролепетал он. – Вы приказывали обо всем странном докладывать лично вам в любое время дня и ночи...

– Ну? – насторожился Светозар, этот визит после такого пробуждения наводил на нехорошие мысли.

– Тут прибежал брат-архивариус из главной библиотеки... И начал прорываться к вам, крича, что произошло что-то страшное, что весь мир может погибнуть. Мы хотели вытолкать его вон, так стражу пришлось звать – дерется. Но тут мы вспомнили о вашем приказе, и я...

Что-то страшное, из-за чего может погибнуть весь мир? И как раз после его предчувствий. Совпадение? В такие совпадения пресвятой отец не верил с юности. Если уж забытый

богом и людьми архивариус решается прорываться к первосвященнику, зная, что это чревато тюрьмой или ссылкой, то это неспроста. Что-то во всем этом есть, его святейшество ощущал это нутром, и ощущение было очень неприятным. Лучше выслушать архивариуса и посмотреть, не связано ли случившееся с ним с предчувствиями самого первосвященника. И если не связано, то пусть пеняет на себя.

– Зовите! – раздраженно бросил он секретарю. – И чаю нам принесите.

Отец Александр поклонился и исчез. Короткое перешептывание за дверьми, и на пороге появился длинный, худой монах в ветхой рясе. Вслед за ним в покои скользнул еще кто-то, поставил на стол поднос с чашками, чайником и пирожными, затем быстро исчез.

«Брат-архивариус... – мелькнула в голове первосвященника отстраненная мысль. – Да что в этих архивах случиться могло?» Ведь в архивах главной библиотеки скапливались самые бесполезные книги и документы. Церковь никогда не уничтожала никаких, даже самых запретных книг. Кроме, конечно, книг по черной магии – эти сжигались сразу и без разговоров. Остальное же... Скрыть от мира – да, но зачем уничтожать? Мало ли когда что-либо может пригодиться? Вот и сваливались столетиями ненужные манускрипты и документы в архив, где с ними возились бесполезные и ни что больше не годные книжные черви. Стоявший перед первосвященником дрожащий монах относился, судя по всему, именно к этой породе.

– Ваше святейшество! – выдохнул он, изумленный, как видно, тем, что его все же допустили пред высокие очи. – Меня братом Матфеем зовут. Я из библиотеки, из архива. У нас такое случилось...

Монаха начала бить дрожь. Первосвященник несколько минут вглядывался в него, отслеживая реакции, и с неким удивлением понял, что тот боится не его, а того, что случилось. И толку с него, пока не успокоится, не будет никакого.

– Присаживайтесь, брат Матфей, присаживайтесь, – со всем возможным добродушием улыбнулся Светозар. – Выпейте вот чаю.

Он сам налил монаху из чайника. Тот даже не заметил, что его обслуживает сам первосвященник, просто взял чашку и отхлебнул, глядя в одну точку. Одно это говорило о степени его потрясения. «Что же так могло напугать этого книжного червя?» – задал себе риторический вопрос его святейшество, он был несколько растерян. Монах, тем временем, допил чай и положил руки на древнюю, запыленную книгу, которую принес с собой.

– Рассказывайте! – начал терять терпение первосвященник.

– В-ваше с-святейшество... – заикаясь, выдавил из себя брат Матфей. – Я привык работать ночью и сегодня тоже не спал, разбирая архивы времен вашего предшественника. Тут вдруг меня прошиб холодный пот, и показалось, что случилось что-то ужасное, что-то такое, что не поддается описанию. Так плохо я себя еще никогда не чувствовал. А потом...

Глаза монаха сделались безумными.

– Ну-ну, успокойтесь, – потрепал его по плечу вставший Светозар. – Все уже позади, все уже закончилось.

– Если бы... – с тоской отозвался монах. – Ах, если бы, ваше святейшество...

– Так что же случилось потом?

– А потом с полки сама собой взлетела в воздух Книга Листьев и запылала черным огнем. Черным, ваше святейшество!

– Черным огнем... – заинтересованно протянул тот. – Крайне интересно, если это правда.

– Я не лгу, ваше святейшество! – вскинулся монах.

Опытный инквизитор сразу понял – брат Матфей верит в то, что говорит. Он хмыкнул и приказал:

– Продолжайте!

– Я... Я был как в ступоре, я ничего не понимал. А потом книга вдруг распахнулась и рухнула на стол. Я прочел пророчество, которое там оказалось, понял, что происходит страшное, и ринулся к вам...

– Вы правильно поступили, брат Матфей, – поспешил успокоить его первосвященник, а затем сказал, сам дивясь своей откровенности: – Я вам верю, потому что сам проснулся в ужасе с осознанием, что миру, всему миру грозит опасность. Вы преданный слуга Матери нашей Церкви. А теперь дайте мне прочесть пророчество, которое так напугало вас.

Монах раскрыл принесенную книгу и протянул его святейшеству. Тот впился глазами в корявые рукописные строки:

*Когда порвется связь времен
И покачнется древний трон,
То Трое снова в мир придут,
Чтобы вершить нелегкий суд.
За каждым трое встанут в ряд,
Те, кто судьбу благодарят,
Те, кто открыл дорогу Тьме,
Те, кто жесток в своей вине.
Тогда сольются три в одно,
Откроется во Тьму окно,
Тогда свершится адский труд,
И девять снова в мир придут.
И мир увидит вновь один
Ушедший в вечность Властелин.
Тогда придет в наш мир беда
И черная взойдет звезда.*

– И что это может значить? – растерянно спросил первосвященник, дочитав пророчество.

Он действительно ничего не понимал. Конечно, как и каждый образованный человек, его святейшество слышал о Книге Листьев, книге пророчеств, написанной одним монахом еще в первом веке эпохи Спасителя. Но создателя этой книги считали безумным еще при жизни, и даже имени его не сохранилось для потомков. Только не больше десятка рукописных копий его ни на что не похожей книги хранилось в нескольких самых крупных библиотеках Танра. Существовало бесчисленное множество толкований пророчеств Книги Листьев, так как в иносказаниях безымянного провидца понять что-либо было попросту невозможно. Но если произошло то, о чем поведал брат Матфей, значит, пророчество истинно и начинает сбываться.

Первосвященник уже верил монаху, и ему стало страшно – даже иносказание было жутким до дрожи в коленках. Если действительно наступает время Тьмы, истинной Тьмы, а не обвиненных, порой огульно, в служении ей людей и иных существ, то... Как бороться с этим, первосвященник не имел понятия – не приходилось просто. Он давно отучил себя предаваться иллюзиям и прекрасно понимал, что Святая Инквизиция до сих нужна была только для устрашения врагов Церкви, что никаких служителей Тьмы нет. То есть, почти нет, за редким исключением. А теперь выяснилось, что есть... И Инквизиция столетиями ходила вокруг, даже не подозревая об их существовании. Бороться с еретиками и простыми бесхитростными магами – не привыкать. Но вот могучие черные колдуны... Тут будет куда труднее. И неизвестно, как разыскивать служащих Ушедшему, с чего вообще начинать. Какие-то Трое, какие-то Девятеро... Что за чушь?!

– Есть одна очень старая легенда, ваше святейшество, – прервал его размышления брат Матфей, его вид был странно задумчивым. – Настолько старая, что никто не знает, откуда она пошла. Она, пожалуй, многое в этом пророчестве объясняет.

– Содержание, и покороче.

– Будто в мире существуют три матрицы истинной Тьмы, с каждой из которых связаны три меньших. Легенда говорит, что эти матрицы ожидают рождения предназначенных им в тайных хранилищах. Каждую четверку охраняет великий черный маг, которого обычно именуют хранителем, и при рождении предназначенных он эти матрицы открывает миру. Они сами ищут тех, кто им нужен. Предназначенные матрицам должны еще до того, как получить их, стать магами не хуже хранителей. Черными магами. У каждого из них будет три помощника, получивших меньшие матрицы и обладающих нечеловеческой мощью. Если все трое носителей встречаются, произойдет что-то страшное. К сожалению, наш экземпляр легенды неполон – не хватает окончания, книга побывала в пожаре.

– И никакая собака даже не подумала о том, чтобы этих хранителей сыскать? – мрачно спросил пресвятой отец, его глаза угрожающе сузились.

– Так ведь все это глупыми сказками считают, ваше святейшество, – мелькнула на губах монаха почти незаметная улыбка. – Эти легенды только такие, как я, книжные черви, и знают...

– Легенда слишком многое объясняет, в том числе, и кое-что из моего собственного прошлого!

Это было то самое! Светозар всем нутром ощущал – вот она, истина. К тому же, имелось косвенное подтверждение. Аналитический ум первосвященника быстро перебирал все, что знал, пытаясь найти что-нибудь связанное со случившимся этой ночью. Что-то такое вспоминается, что-то, когда он был еще просто Ищущим, братом Вячеславом. Однажды, когда экспедиция Святой Инквизиции работала в Анзамене, ему довелось поучаствовать в допросе мага, притворявшегося отшельником. Обнаружили его чисто случайно, в совершенно безлюдной местности. Инквизиторы всегда с подозрением относились к скрывающимся от людей, а потому взялись за отшельника всерьез. И тот не выдержал – магия так и полилась из него. Но Инквизиция умела защищать своих служителей от такого, и колдуна пленили.

Память его святейшества походила на содержащийся в идеальном порядке амбар, в котором существует опись всего содержимого, в которой указано что, где и как лежит. Каждая вещь имела бирочку с описанием, что это такое и для чего предназначено. Поэтому ему не представило особого труда припомнить подробности того допроса. Маг долго молчал, но, в конце концов, не вынес нечеловеческой боли и заговорил. Он нес какую-то чушь о том, что недавно встречался с самим хранителем знаний Тьмы, и что скоро грядет эта самая Тьма. У него попытались выяснить, что это за хранитель и что он хранит, но не успели. Палачи перестарались, и маг умер посреди допроса. Сочтя его показания бреднями спятившего от боли колдуна, хранителя не стали разыскивать и отправились по своим делам.

Сейчас его святейшество очень жалел об этом и проклинал себя за беспечность. Ведь вполне могли выйти на хранителя и многое узнать заранее. Но тут же с отчетливой ясностью понял, что ничего бы они тогда не поняли, даже если бы маг рассказал все. Просто не смогли бы поверить. Да, грустно...

Значит, уже сколько-то сотен или даже тысяч лет на Танре существует организация темных, жаждущих вернуть Зверя, которого они называют Ушедшим. Почти никаких достоверных сведений об этом непонятном существе не сохранилось, а то, что сохранилось, было куда больше похоже на бредни. Многие, да почти все на его месте, предали бы случившееся забвению и посчитали теми же бреднями, но опытный Ищущий чуял вонючий след Зверя. След, который не мог забыть, по которому просто не мог не идти. А значит, нужно искать этих самых хранителей и все, что связано с Тремя и Девятью. Искать малейшие следы, несоответствия в событиях, любые странности и несообразности.

Если бы еще не это жуткое пророчество... Но его святейшество знал, что исполнение любого пророчества зависит от действий множества людей, от того, как поступит тот или иной человек в той или иной ситуации. А уж исполнение пророчества из Книги Листьев вообще зависело от слишком многих факторов. Двенадцать человек из разных концов мира должны еще вырасти и самостоятельно прийти во Тьму. Времени впереди достаточно, вполне можно предотвратить это. Светозар всей душой ощущал, что важнее дела у Церкви просто нет, а, возможно, никогда и не было. Значит, его задача, как первосвященника, бросить на поиски лучших из лучших среди Ищущих. Он не был уверен в успехе этого дела, и впервые за многие годы ему было не по себе. Настолько не по себе, что руки дрожали.

Светозар внимательно посмотрел на брата Матфея, который о чем-то размышлял. Чем-то эта архивная крыса ему импонировала. Ведь посмел же прорываться к самому первосвященнику со своим известием, когда подавляющее большинство постаралось бы забыть увиденное, боясь обвинения в колдовстве. Да и дополнительная информация в архивах вполне может найтись. Пришедшая идея была достаточно безумной, чтобы принести неплохой результат. Попробовать стоит, вернуть крысу в ее архивы никогда не поздно. Или вообще убрать. Когда Светозар начинал действовать, то остановить его было невозможно.

– Брат Матфей, – поднял он тяжелый взгляд на насторожившегося монаха. – Я поручаю вам перерыть архивы Церкви в поисках всего, связанного с этим пророчеством и рассказанной вами легендой.

– Но я же не справлюсь один... – простонал тот. – На это годы уйдут, там десятки тысяч только книг...

– Привлекайте столько людей, сколько сочтете нужным! – отрезал первосвященник. – А чтобы ни у кого не возникло сомнений в вашей правомочности, возьмите в шкатулке у входа перстень. Отныне вы являетесь моим голосом, и ваши приказы равнозначны моим, выполнять их обязан любой служитель Церкви любого ранга. Докладывать результаты будете лично мне, и чтобы никто больше не знал истинной цели ваших поисков. Только учтите, спрашивать буду строго.

Ошеломленный внезапным возвышением, монах встал, неловко поклонился, трясущимися руками взял из шкатулки перстень и, пошатываясь, вышел. А Светозар до самого утра сидел в кресле и думал, думал, думал...

События покатались лавиной. Весь секретариат был изумлен бурной деятельностью вечно сонного первосвященника, не понимая смысла его действий. Немало нерадивых святых отцов, привыкших сытно есть и мягко спать, было неожиданно сослано в дальние монастыри, где им пришлось есть сухой хлеб и спать на каменном полу. Отец Лександр Болдин до смерти перепугался и старался выполнять малейшие прихоти его святейшества, вполне обоснованно опасаясь такой же судьбы. Светозар VI не походил на себя прежнего почти ничем и действовал подобно змее: бил туда, где никак не ожидали удара. Самое странное, что его перестали интересовать сплетни, которым он столько времени уделял прежде. Никто не понимал, как угодить разгневанному архиерею. В центральном секретариате Церкви Спасителя в Фалинграде воцарились недоумение, растерянность и страх.

Через три дня по приказу его святейшества к нему в покои явились десять лучших Ищущих Святой Инквизиции. Пресвятой отец сам перебрал личные дела всех Ищущих и отобрал тех, кто, как и он сам, обладал развитой интуицией. Теперь он с интересом наблюдал за инквизиторами, неспешно рассаживающимися в креслах, и размышлял:

«Да, стая молодых волков, великолепных, лютых, жаждущих крови. Идеально подходящих для предстоящего дела. А лучший, пожалуй, вот этот – брат Итан бер Саан, бывший тарский пират. А глазищи-то – желтые, светятся... Кто, интересно, обратил его? Ах да, отец Ликоний. Великий был человек, жаль только, что метил на мое место, и пришлось его „уйти“. Впрочем, брат Меальнор, эльф-изгнанник из Эльвидара, ничуть не хуже. Ишь, острые зубы-то

оскалил, уши сморщил, на губах глумливая ухмылка... Хорош, хорош, зверина. Но бер Саан все же сильнее будет, и много сильнее – ему и руководить».

– Я рад вас видеть, братья! – встал первосвященник. Ищущие нестройным гулом ответили ему.

Светозар опытным взглядом легко улавливал во взгляде каждого тщательно скрываемое презрение к церковному иерарху, способному только на интриги, ни разу в жизни не сделавшему ничего полезного. Ничего, скоро они изменят свое мнение.

Первосвященник ухмыльнулся: Ищущие с недоверием поглядывали друг на друга – привыкли работать в одиночку и никому не доверять, а тут десятерых вместе собрали. И никто не знает, зачем, причем все ощущают смутную тревогу и понимают, что просто так первосвященник не стал бы их вызывать. Ищущих в Церкви боялись и ненавидели, они отвечали холодным презрением. То, что одному из них, замаскировав свое прошлое, удалось стать первосвященником, само по себе было чудом. Но Ищущие являлись элитой Церкви, и Светозар не хотел, чтобы после его смерти власть снова перешла в руки жирных маразматиков. А значит, преемника придется воспитать из кого-то из этих, любой из них способен на многое. Но это позже, он еще не слишком стар, да и предстоит большое дело. Волкам придется научиться работать в стае, иначе не справятся. И хорошо, что появилось настоящее дело, только оно способно объединить таких. Но сначала их нужно заставить уважать его самого.

– Итак, братья! – заговорил Светозар, и десять пар внимательных человеческих, эльфийских и гномьих глаз уставились на своего верховного пастыря. – Для начала хочу задать вам один вопрос. Кто из вас слышал что-нибудь об Ищущем по имени брат Вячеслав?

– Да каждый слышал, – осторожно ответил гном по имени Торин, сын Варсина. – Нас обучали ремеслу, разбирая дела, которые он вел. Жаль, что такой мастер погиб...

– Он не погиб, братья! – искривил губы первосвященник. – Он, впервые за всю историю Матери-Церкви, занял высший пост. Он перед вами!

Светозар оскалился и выбросил вверх кулак в приветствии Ищущих. Глаза его горели – впервые за долгие годы кто-то узнал о его прошлом, и он больше не боялся – здесь все свои, такие же жестокие волки, как и он сам. И все они сразу поняли, что власть не уйдет из их рук больше никогда. Ищущие встали и склонили головы, в их глазах впервые появилось уважение – своеобразное, волчье уважение к самому сильному и матерому хищнику. Первосвященник не удивлялся – перед ними стоял не жирный церковный иерарх, а такой же, как и они сами, волк, поджарый и жестокий, добившийся всего своими силами. Они также оскалились, понимая друг друга с полувзгляда и полувздоха.

– Сами понимаете, – предостерег пресвятой отец, – что если мы не хотим выпустить этот пост из своих рук, придется молчать об услышанном. К тому же, я собрал вас не просто так, а по очень важному делу.

Собравшиеся внимательно изучали его лицо, и первосвященник снова позволил себе оскалиться, чего, конечно, никогда не сделал бы в другом обществе. Но сейчас он был свой среди своих, и никто не удивился его диким, на взгляд большинства людей, гримасам.

– А пригласил я вас, братья, – продолжил Светозар, – по очень неприятному поводу. Вы отныне составляете костяк новой тайной службы, подотчетной только мне лично или моему преемнику, которым, скорее всего, станет один из вас. Заниматься эта служба будет всего одним делом. Но от него зависит само существование Церкви, а то, боюсь, и нашего мира, такого, каким мы его знаем.

– Это настолько серьезно? – спросил брат Итан, внимательно глядя на первосвященника. – Ведь, как мне кажется, мы подавили почти все источники сопротивления, кроме империи.

– Это другое, – скривился Светозар. – Занимаясь отловом ересиархов и нелояльных к Церкви, мы упустили из виду истинных слугителей Зверя. И сейчас обстоятельства таковы,

что если мы не справимся, то Тьма усилится стократно. Причем, это будет истинная Тьма. Вам требуется объяснить, чем это чревато для Церкви?

Ищущие отрицательно покачали головами, и его святейшество продолжил:

– Прошу учесть, что это не легенды, не сказки, хотя и очень походит на них. Почти никому из вас не доводилось сталкиваться с истинными слугами Тьмы, вы встречали, в основном, только оговоривших себя, чтобы избавиться от боли. Не возражать! Знаете, что я прав. Здесь мы среди своих, мы не имеем права обманывать друг друга и обманываться сами, если хотим выжить. Только полная и абсолютная откровенность, в кругу своих, конечно. И мы не можем позволить себе работать прежними методами. Необходимы не лжеобвиняемые, чтобы закрыть дело, а те, кто действительно виновен. Трудно перестроиться, я понимаю, но это наш долг. Искать информацию придется по крохам, цепляться за малейшие несообразности и несоответствия в показаниях. Это ясно?

– Да!

– Именно поэтому здесь только те Ищущие, у которых развита интуиция. Если вы согласны со мной, я посвящу вас в суть дела. Итак?

– Да! – ответил нестройный хор голосов.

Отказавшихся не было. Его святейшество ухмыльнулся, затем неспешно рассказал обо всем – и о своем пробуждении, и о случившемся в библиотеке, и о пророчестве, и о легенде, объясняющей его. А затем – о том, что удалось выяснить за прошедшие три дня. Увы, почти ничего нового.

– Вы слышали? – прищурил глаза первосвященник. – Вы назовете это сказками?

– Нет, – ответил за всех брат Итан. – Я ощущаю здесь что-то серьезное, что-то очень большое, грозящее немалыми бедами.

Его святейшество позволил тонкой улыбке появиться на губах и сказал:

– Главой новой службы назначается брат Итан бер Саан. После рукоположения ему будет присвоен сан епископа. Отныне он становится моим голосом и подчиняется только мне.

Все молча кивнули, только в странных желтых глазах тарца, приводящих многих в замешательство, на мгновение мелькнула искорка торжества. Начался мозговой шторм – самые безумные и еретические идеи обсуждались и отбрасывались, если были совершенно невероятны. Если же имелся хоть один процент уверенности, что идея может принести результат, ее запоминали для дальнейшей разработки. Ищущие внимательно выслушивали каждого, и даже самые дикие мысли, за высказывание которых в другом месте отправляли на костер, не вызывали у них отторжения. Его святейшество был очень доволен своим выбором и наслаждался общением. Но вскоре их прервали.

– Сюда нельзя, нельзя! – верещал пронзительный голос отца Александра. – У его святейшества совещание!

– Ваше святейшество! – крикнул из-за плеча секретаря брат Матфей, удерживаемый дюжими стражниками. – У меня важнейшие известия касательно нашего дела! Срочные известия! Выслушайте меня, умоляю!

Первосвященник сделал рукой жест, и монаха тут же отпустили. Он отряхнул ветхую сутану, презрительно посмотрел на секретаря и вошел. Дождавшись, пока дверь за его спиной закроется, поклонился и сказал:

– Пресвятой отец! Мне удалось многое выяснить. Узнав, что вы собрали Ищущих, я сразу понял, зачем, и поспешил сюда. То, что я узнал, напрямую касается того страшного дела, которое вы им поручили. Если я не ошибаюсь, конечно.

Брат Матфей выпрямился и спокойно посмотрел в глаза рассерженному его вторжением первосвященнику. Тот снова внимательно изучил лицо монаха и удивился. Брат Матфей совершенно не боялся того, что могли с ним сделать, ему плевать было на последствия. Его интересовало только дело, и ничего более. Этот книжный червь все больше и больше нравился

его святейшеству – таких людей ему всегда не хватало. Людей, не жалеющих себя, не пекущихся о своем благополучии, не жаждущих урвать кусок пожирнее и спрятать в личной берлоге. Похоже, интуиция снова не подвела, не зря он дал этому монашку власть голоса первосвященника. Его святейство уже благосклонно кивнул брату Матфею, и тот начал:

– Первое и самое важное – в библиотеке Варграда сохранился полный экземпляр интересующей нас легенды.

– И?! – наклонился вперед первосвященник, нервно постукивая пальцами по столу.

– Трое родившихся той ночью будущих черных магов являются составляющими самого Зверя. Если они станут теми, кем предсказано, и встретятся, они объединятся в одно существо страшной мощи. И имя этому существу будет – Ушедший! Он может вернуться, если мы допустим это, ваше святейство!

– Та-а-к... – протянул Светозар. – Все еще страшнее, чем мы думали, братья...

Ищущие задумчиво рассматривали брата Матфея. Тот стоял мрачный, его глаза горели лихорадочным огоньком. Только тут первосвященник с изумлением понял, что монах походит на остальных, собравшихся в этой комнате, походит чем-то неуловимым, необъяснимым словами. Как же Инквизиция могла упустить такого? Странно... Он хотел было спросить об этом, но его опередил брат Итан:

– А почему вы стали библиотекарем, а не Ищущим? – инквизитор тоже уловил мимолетное сходство.

– Я пытался в юности... – криво усмехнулся брат Матфей. – Но я всегда был физически слаб, и мне отказали.

– Из-за физической слабости... – повторил тарец и обвиняюще посмотрел на первосвященника.

– И в Инквизиции уже идиоты окопались... – поморщился тот. – Ладно, что еще у вас, брат Матфей?

– Похоже, я вышел на след одного из хранителей.

Все Ищущие, в том числе и его святейство, так и подались вперед, уставившись на него.

– Вы уверены? – осторожно спросил кто-то.

– В этом деле ни в чем нельзя быть уверенным! – бросил брат Матфей. – Я лучше опишу весь ход поиска, а вы сами смотрите, прав я, или нет.

– Хорошо, – кивнул первосвященник.

– Воспользовавшись данными мне вами, ваше святейство, правами, – поклонился монах, – я приказал информационному отделу секретариата доставлять мне в библиотеку копии ежедневных донесений разведки, поступающих по всем каналам. Полные копии, а не отбираемое ответственными секретарями. В результате оказалось, что ими отбрасывалось важное, а чушь сохранялась.

– Ну, и что из этого? – снова скривился Светозар. – Я и так знаю, что информационная служба работает из рук вон плохо.

– А то, – спокойно ответил монах, – что если бы не копии, очень неохотно доставленные ими, я бы не натолкнулся на то, что удалось найти. Разбирая всю эту кучу донесений, я обратил внимание на маленькое сообщение, относящееся к дню, следующему за той страшной ночью. В нем двумя строками говорилось об очень странном происшествии в Инзиуре.

– Городе Ассамблеи? – прищурился брат Итан.

– Да, – кивнул брат Матфей. – Утром того дня в своей башне заживо сгорел маг-отшельник Стиор арн Над.

Он выжидающе посмотрел на Ищущих, и те сразу поняли странность сообщения.

– Арн Над? – переспросил первосвященник. – Однофамилец или?..

– Именно, что или... – усмехнулся монах. – Именно или. Я затребовал в секретариате внешней разведки полную информацию об этом человеке.

Тут его лицо перекосила едва сдерживаемая ярость.

– В чем дело? – приподнял брови его святейшество.

– Я действовал как ваш голос, а с меня за информацию взятку потребовали! – голос монаха стал глухим и прерывистым. – Да что же это творится с Церковью, ваше святейшество?! Мне пришлось трех начальников отделов в ссылку отправить, чтобы они там вообще зашевелились... Простите, если был неправ.

– Служба внешней разведки... – угрюмо протянул Светозар. – Да, вы были неправы. Их следовало не ссылать, а сразу на кол сажать! Чтобы другим неповадно было!

Брат Матфей изумленно посмотрел на него, затем встряхнулся, как пес, выбравшийся из воды, и продолжил:

– Как удалось выяснить, у этого мага странная история. Рос себе в Крон Арингаре уличный мальчишка, среди гномов рос. Ничем от других бродяг не отличался, вот только на плече у него была странная родинка в форме четырехлучевой звезды.

– Бастард императора? – спросил эльф-инквизитор, оглянувшись на первосвященника. – И кто это постарался?

– Стирген VI, брат. В ранней молодости, путешествовал по миру, тогда и обрюхатил кого-то. Кого именно – выяснить не удалось. Если вы помните, у императора очень долго не было детей, только после пятидесяти у него родился тот, кого ныне мы знаем под именем Стиргена VII.

– Я припоминаю, – кивнул его святейшество, – что до того в империи был недолго какой-то другой наследник. Но вот кто он, и куда потом подевался, не знаю.

– Вот им-то и был наш маг, – усмехнулся брат Матфей. – Его обнаружил в Арингаре путешествующий дядя Стиргена VI. Старый вельможа был очень удивлен, услышав зов крови. Тот вывел его на юнца-бродягу. Но родовой знак у этого бродяги нашелся, да и магическая проверка подтвердила его принадлежность к роду арн Над.

– Дальше, дальше! – поторопил заинтригованный первосвященник.

– Детей у императора тогда еще не было, вот Имперский Совет и вцепился в юнца, привезенного в Над, решив сделать из него наследника. Несколько лет будущий маг проходил в этой роли. И если бы у Стиргена VI не родился неожиданно законный наследник, то Над имел бы императором не Стиргена VII, а Стиора I. Но когда наследник появился, бастард тут же стал лишним. Не знаю, по какой причине его оставили в живых и кто был в этом заинтересован, но бастарда всего лишь оскопили и отдали на обучение в Ассамблею Магии. Вот тут-то и выяснилась еще одна интересная подробность.

– Какая?

– Он оказался одним из немногих, кого называют прирожденными магами. Это очень странно, до тех пор в роду арн Над магов никогда не было. Возможно, сыграла свою роль кровь неизвестной матери. Очень бы хотелось знать, кто она. Но, увы...

– Прирожденный маг... – с изумлением протянул брат Итан. – Кто бы мог подумать. Сколько их сейчас на Танре всего, кто-нибудь знает?

– То ли десять, то ли двенадцать, – резко ответил пресвятой отец и кивнул брату Матфею.

– Как вы и сами понимаете, – продолжил тот, – в прирожденного мага Ассамблея вцепилась руками и ногами. Но Стиор арн Над был странным студентом. Все время учился, не тратя время ни на что более, не пил вместе с остальными в трактирах, редко посещал вечеринки, зато практически не вылезал из библиотеки, постоянно задавал вопросы, ставившие в тупик преподавателей, лез в такие дебри, куда не рисковали забираться даже опытные маги. И постоянно танцевал на краю ереси – даже для остальных колдунов. Думаю, он вполне мог стать слугой Тьмы. Вскоре талантливым студентом заинтересовался такой же маг-отшельник, каким

позже стал и сам Стиор. После окончания учебы он поселился в башне своего учителя, которую потом и унаследовал. Принцу-бастарду запретили покидать не только пределы империи, но и Данватский полуостров. Однако он многократно нарушал этот якобы строгий запрет. Я понимаю, почему на его вояжи смотрели сквозь пальцы – скопец не мог породить наследника, а значит, не мог и узурпировать трон. В тридцатилетнем возрасте Стиор арн Над отправился путешествовать по миру и вернулся домой только через двадцать лет. Чем он занимался в это время, почти неизвестно. Я знаю только, что он ухитрился побывать даже здесь и порыться в архивах нашей библиотеки! Инквизиция спохватилась только после того, как мага и след простыл. Вскоре после его возвращения домой учитель Стиора умер, и наш маг засел в своей башне. Если раз в год он и появлялся на людях, то это было уже хорошо. Только на отчетных собраниях Ассамблеи его и видели. Потребности имел минимальные – одежду и все необходимое доставлял один и тот же торговец, еду – один и тот же трактирщик. А после их смерти – их сыновья. Только одно интересовало Стиора изредка – каждый год он требовал доставлять ему списки новых студентов вместе с их характеристиками. Похоже, искал себе ученика. Но так и не нашел.

– А почему вы уверены, что именно он являлся одним из хранителей? – спросил брат Итан.

– Я ни в чем не уверен, меня настораживает поведение этого мага. Кроме того, его так называемая смерть заставляет задуматься. На следующее утро после проявления пророчества... Я узнавал – в ту ночь каждый человек, хоть немного чувствительный к магии, проснулся в ужасе и холодном поту.

– Вот даже как... – пробормотал первосвященник. – Но почему вы считаете его смерть так называемой?

– Слишком много в ней показухи, – усмехнулся монах. – Башня выгорела изнутри дотла, и следов чего-либо в ней не найти. Даже если там действительно что-то происходило. Тщательный осмотр тела инзиурская стража не производила – в протоколе указано только, что труп обгорел до неузнаваемости и опознан по медальону мага. Непонятно также, скопец ли сгорел. Если нет, то вы сами понимаете, что произошло, братья.

– Да уж, – усмехнулся брат Итан. – Маг инсценировал свою смерть и отбыл куда-то по своим делам. И это на следующее утро после всего... Что-то тут не то, вы правы, брат Матфей.

– Вы не обратили внимания еще на одно обстоятельство, – посмотрел тот прямо в желтые глаза тарца. – Как я уже говорил, Стиор арн Над – прирожденный маг.

– Спаситель благодать! – всплеснул руками его святейшество. – Да не мог прирожденный маг сгореть заживо! Эти чудовища слишком сильны для столь глупой смерти!

– Да, – кивнул брат Итан. – не мог. Этим магом мы с сегодняшнего дня займемся вплотную. И найдем!

– Ваше святейшество, – снова поднял глаза на первосвященника брат Матфей, – разрешите предложить вам создать в составе новой службы аналитический отдел.

– А это еще что такое? – удивился тот.

– Аналитик, – продолжил монах, – это человек, способный по отдельным, на первый взгляд, не связанным между собой фактам восстановить цельную картину происходящего. Я сам был свидетелем того, как отец Симон по колебаниям цен на рынках шерсти и льна предсказал позапрошлогодний переворот в Ландзаде за три месяца до него, причем точно сказал кто, как и зачем. А главное, абсолютно верно определил, кто в этом перевороте заинтересован. Вы знаете, как дорого он нам потом обошелся. А если бы кто-нибудь поверил отцу Симону заранее, мы были бы готовы и сумели предотвратить переворот.

– Он что, колдун? – с подозрением в голосе спросил первосвященник. – Предсказатель?

– Нет, ваше святейшество, он ученый. Он разработал новый метод анализа разрозненной информации, который позволяет предсказать многое с точностью до девяноста процен-

тов. А его с учениками почему-то едва ли не еретиками объявили! Причем, неясно, кому это было нужно. Я выяснил, что кто-то очень много золота потратил, только чтобы нам метод отца Симона не достался. Кого сослали, кого посадили, а кого и вообще казнили... Но отец Симон оказался прав, и переворот случился в предсказанное время.

– Я бы не отказался иметь в команде людей, способных воссоздать форму кувшина по нескольким черепкам... – осторожно вставил брат Итан. Он с уважением смотрел на монаха, рискующего, еще не получив реальной власти, просить за друзей. А если эти друзья действительно умеют то, о чем он говорит...

– Хм-м-м... – почесал подбородок первосвященник, ему тоже понравилась смелость брата Матфея. – Раз так, забирайте их всех из ссылки и тюрем. Создавайте свой аналитический отдел, но глядите мне... Никакого колдовства! И работать, как следует.

– Они себя оправдают, сами увидите, ваше святейшество, – облегченно улыбнулся монах. – Есть еще одна неприятность, но уже не относящаяся к нашему делу.

– Ну?

– Мне совершенно случайно удалось выяснить, что архиепископ Старградский усиленно копает под вас. На ближайшем заседании Синода вас собираются объявить еретиком и сместить. К сожалению, в моем распоряжении пока только слухи, но я постараюсь перехватить письма.

– Этот жирный, тупой ублюдок? – изумился его святейшество. – Что ж, буду знать. Спасибо за предупреждение. Хотя откуда вы это узнали, я вам этого не поручал...

– Честное слово, совершенно случайно, ваше святейшество, – смутился брат Матфей. – Один из моих подчиненных услышал разговор секретаря архиепископа с ответственным секретарем Синода, который они вели в библиотеке, посчитав, что рядом никого нет.

Он остановился, покраснел, набираясь смелости, и сказал:

– Ваше святейшество! Простите меня или казните, если я не прав. С Церковью происходит что-то страшное, полное беззаконие, епископы и архиепископы творят, что хотят, им плевать на благо Церкви. Взятки, поборы, чревоугодие и похоть! Грязь процветает, а все лучшее затаптывается! А ведь Церковь призвана служить Господу нашему и Спасителю!

Первосвященник медленно наливался яростью. Да как эта архивная крыса посмела?! Он и сам знал, что в его епархии далеко не все в порядке. Но одно дело – знать про себя, а совсем другое – говорить об этом вслух! Тем более – в лицо самому главе Церкви! Нет, наглость монашка должна быть наказана. Он устремил налившиеся кровью глаза на вытянувшегося перед ним брата Матфея и уже открыл, было, рот, чтобы смешать наглеца с грязью, но его неожиданно прервали.

– Я присоединяюсь к мнению брата Матфея, – донесся до слуха Светозара холодный голос брата Итана. – Даже Инквизиция сдает свои позиции. Богатые еретики выкупают свои поганые шкуры, и наше начальство на это идет! Сам видел.

– Кто-о-о?... – едва смог выдохнуть первосвященник. – Какая тварь?!.

– Архиепископ Ворамский, – столь же холодно сообщил инквизитор. – И он – только один из многих. Не знаю, что думаете вы, брат Вячеслав, но я считаю, что перед тем, как начинать большое дело, в доме нужно сделать уборку и вымести оттуда всю грязь.

Его святейшество не обратил внимания, что его называли старым именем, которое он давно уже не носил. Слова бер Саана заставили задуматься. К сожалению, в последнее время Церковь действительно развратилась. Способна ли она в таком виде выдержать натиск Тьмы? Может, и нет... Что делать в таком случае? Кое-кого казнить, кое-кого сослать? Но это вряд ли поможет, новоназначенные епископы быстро освоятся и тоже начнут воровать и чревоугодничать. Разве что...

В голову первосвященника пришла совершенно безумная мысль, и злобная ухмылка растянула его сухие губы. Инквизиция внутри инквизиции! Занимающаяся только самими слу-

гами господними. Которой все будут бояться больше смерти и будут готовы на все, даже стать святыми, лишь бы не оказаться объектом внимания этой службы. Но кого поставить во главе? Это должен быть абсолютно преданный Церкви, бескорыстный человек, притом не жестокий, не получающий удовольствия от мучений других. Взгляд его святейшества снова упал на брата Матфея, который стоял перед ним со скорбными глазами в ожидании наказания за свои слова. А ведь кандидатура вполне подходящая... Ничего не хочет для себя и искренне верит в великое предназначение Матери-Церкви. И работать умеет – вон сколько всего выяснил за каких-то три дня. По нему видно, что и не спал совсем – синий весь, под глазами круги. Явный трудоголик.

– Брат Матфей, – обратился к нему первосвященник, усмехаясь весьма ехидно. – Тогда, в преддверии грядущих событий, вы и почистите наши конюшни. Сумеете подобрать людей и создать службу, занимающуюся этой чисткой? Достаточно честных и преданных делу Церкви людей.

– Обещать ничего не могу, но постараюсь сделать все, что в моих силах, – спокойно ответил монах, его глаза сузились. – Каковы границы моих полномочий?

– А их не будет, – осклабился его святейшество. – Никакие заслуги прошлого и никакая должность не должны защитить продажную паскуду от возмездия. Оно должно быть неотвратимым!

– Благодарю за доверие, – в зрачках монаха все сильнее разгорался огонек радости. – Но мне понадобятся Ищущие...

– Подберем вам список толковых, – поднялся брат Итан. – А главное – честных.

Они понимающе улыбнулись друг другу. Первосвященник тоже встал и поднял вверх кулак, остальные Ищущие встали следом. Покои верховного иерарха Святой Церкви Спасителя огласил дружный вой волчьей стаи, вышедшей на охоту. Брат Матфей выл вместе со всеми, в его глазах пылал лихорадочный огонь вдруг сбывшейся невероятной мечты.

День шел за днем, месяц за месяцем. Неподъемное количество работы для новых служб не давало им ни минуты роздыха. Церковь медленно охватывал липкий страх. Епископы и архиепископы жили в постоянном ужасе, ожидая исчезновения очередного, и последующих суда и казни. Имя неизвестно откуда вынырнувшего брата Матфея, бледной архивной поганки, было у всех на устах, никто не мог понять, что происходит, каким образом этот жалкий до недавнего времени человек вдруг стал всесильным главой Чистых, этой жуткой инквизиции внутри инквизиции. Каждый церковный служитель, пренебрегавший долгом во имя удобств и выгод, вскоре проклял день, когда родился. Брат Матфей не жалел никого и никогда, никакие оправдания не облегчали участь осужденного судом Чистых. Впрочем, через несколько месяцев монах был рукоположен и стал отцом Матфеем, а вскоре и епископом Морнгерским.

Если кто-нибудь пытался дать главе Чистых взятку... Судьба такого была страшной. Привычные к теплу и сытости столичные монахи ссылались в отдаленные северные монастыри, где вскоре и отдавали концы, так как были не способны перенести голод, холод и тяжелый труд. Взамен в столицу вызывалась молодежь, чем-либо проявившая себя, в чем-то талантливая. Заржавшие шестерни церковных служб постепенно начали проворачиваться все быстрее и быстрее – его святейшество и новоявленного епископа интересовали только результаты, а отнюдь не пути их достижения. Чистые почти полностью состояли из юных энтузиастов, едва ли не молящихся на своего руководителя.

Первосвященник взирал на происходящее с легкой улыбкой – выбор оказался правильным, в лице бывшего брата Матфея ему подрастала достойная смена. В этом за прошедшие месяцы Светозар успел убедиться – глава Чистых поражал своей трудоспособностью. Притом Матфей ухитрялся находить нетривиальные методы для решения любых вопросов и решал их удивительно быстро. Такого помощника у первосвященника еще не бывало.

Аналитический отдел, созданный из вытасненных из ссылок учеников отца Симона, тоже работал на удивление хорошо и уже успел предсказать наступление двух кризисов. Сам старик до этого не дожил – умер в монастырской тюрьме. Матфей даже всплакнул, узнав об этом. А затем гонители его друга заплатили за смерть гения своими продажными шкурами. Но отец Симон успел хорошо обучить учеников, и влюбленные в свое дело аналитики вгрызлись в работу так, что дзеннам в аду тошно стало. Жаль только, что анализ легенды и достоверных фактов об Ушедшем не дал почти ничего – слишком отличалось это непонятное существо от всего известного, его поведение невозможно было предсказать.

Все видели работу Чистых и боялись их, благодаря чему Очищающие, команда Итана бер Саана, остались в тени, и никто о них ничего не знал. Однако все их запросы выполнялись почему-то очень быстро. За этим внимательно наблюдали его святейшество и епископ Матфей, который, и став епископом, продолжал ходить в штопаной застиранной рясе. Несколько Очищающих, включая самого бер Саана, тайно отправились в Инзиур, чтобы подробно выяснить обстоятельства лжесмерти мага. Посвященные знали, что операция крайне опасна: малейшая зацепка, малейшая ошибка – и Контора вцепится в хвост Очищающим. Вцепится и не отстанет – служба безопасности в империи работала, как хорошо смазанный механизм, почти никому из агентов Церкви не удавалось больше двух-трех недель водить ее за нос.

Итан сумел узнать необходимое и уйти, хотя четырех человек и потерял. Он выяснил, что маг все-таки сбежал. Обследуя сгоревшую башню, инквизиторы ощутили отзвуки черного заклятия такой мощи, что и теперь, спустя четыре месяца, стены ее стонали, а развалины вызывали у людей ужас и отвращение. Несомненно, это и было заклятие, открывшее миру темные матрицы. Некоторое время Очищающие безрезультатно рыскали по городу магов, но вскоре сумели выйти на дантиста, у которого изредка лечился старый маг. Похитив зубодера, инквизиторы ночью вскрыли могилу. Ошеломленный похищением, дантист в руках опытных палачей быстро сломался и, внимательно осмотрев челюсть трупа, заключил, что это не Стиор арн Над. К тому же мертвец не был скопцом. Могилу закопали, дантист лег рядом со своим лжеклиентом. А Очищающие, вынюхав новый след, двинулись за бывшим принцем империи.

* * *

– Эй, козел старый, а ну-ка вставай! Вставай, не то за борт вышвырну!

Стиор изумленно распахнул глаза. Это ему? Давно никто не осмеливался так говорить с прирожденным магом, да еще и, пусть каким-никаким, но принцем. Тут на его ребра обрушился хлесткий удар, и старик взвыл от боли. Да что же это такое?! Какая наглость! И где он? Едва сдержавшись, чтобы на месте не испепелить ударившего его, Стиор с трудом приподнял голову. Так. Темное, длинное и весьма зловонное помещение. У стен – два ряда скамей, между ними широкий проход. На скамьях по три человека в ряд сидят прикованные к цепи в проходе люди. Раздается мерный грохот огромного барабана, и в ритме его ударов люди гребут огромными веслами, разом наклоняясь и выпрямляясь. Явно рабы... Вот оно что! Это же кадаирская рабская галера! Но каким песьим образом он ухитрился сюда попасть?! Что за чудеса?! Ни разу еще в жизни старого мага не было случая, чтобы он терял контроль над событиями.

От размышлений Стиора оторвал еще один удар кнутом, и он снова тихонько взвыл, затем поднял голову и посмотрел на надсмотрщика, огромного смуглолицего детину с разбойничьей рожей, одетого только в широкие алые шаровары. В ухе у того висела золотая серьга, ноздри были вырваны, а руки поигрывали кнутом, сплетенным из воловьих жил. Такими кнутами мастера своего дела сшибали людям головы. Для прирожденного мага не представило бы труда развеять в пыль и надсмотрщика, и всю галеру, но Стиор решил сначала осмотреться. Надо понять, как он сюда попал.

– Слушай сюда, падаль! – проревел надсмотрщик. – Ты теперь раб на галере его величества шаха Казада! Понял?!

– Да, да, господин, – поспешно закивал маг, – я все понял. Только не бейте меня больше, пожалуйста...

– Станешь лениться, отхватишь кнута, – равнодушно буркнул верзила и зевнул. – Воду дают два раза в день, жрать – один раз. Плохо работать будешь – пайку не получишь.

Старик притворился испуганным, вжал голову в плечи и преданным, собачьим взглядом уставился на надсмотрщика. Тот, решив, что раб сломался, довольно хмыкнул и осклабился.

– Господин, я все понял, – снова поклонился маг. – Но умоляю, скажите мне, как я сюда попал?!

– А неча нажираться по кабакам с теми, кого не знаешь! Вот твои новые дружки тебя сюда и продали. Тут и сдохнешь! И рыбки тебя скушают. За нами всегда рыбки плывут, вот с такими зубками.

Надсмотрщик показал руками, какие у акул зубы, и грубо заржал. Потом снова вытянул мага кнутом поперек спины и рявкнул:

– Гребни давай, гнида старая!

Стиор вздрогнул, но сдержал крик – к боли ему не привыкать. Однако дал себе слово, что смерть этого надсмотрщика не будет легкой. Маг огляделся по сторонам и ухватился за край весла, которым гребли двое других рабов, сидящих на одной с ним скамье. Через несколько минут удалось уловить ритм движений, и Стиор включился в работу. Ему сейчас нужно было только одно – чтобы его оставили в покое. Работа не мешала, прирожденный маг всегда мог использовать внешний источник энергии и работать очень долго, не затрачивая при этом своих сил. Надсмотрщик немного понаблюдал за ним, удовлетворенно кивнул, похлопал мага по плечу и ушел по своим делам. Стиор уже начинал задыхаться, дожидаясь этого момента, поэтому тут же нащупал ближайшую силовую линию и подключился к ней, замкнув полный круг энергооборота. Мало кто из магов Танра умел делать это, а те, кто умел, передавали секрет только ближайшим ученикам. Да и без больших способностей применить такие заклинания могли не многие – только прирожденные маги и высшие магистры, берущие силу мастерством. Теперь Стиор мог грести сутками. Но придется то и дело имитировать усталость – внимание окружающих было старому магу ни к чему. Он осторожно посмотрел по сторонам, оценивая состояние галеры.

– Шо зыришь, старый? – насмешливо, хоть и шепотом, спросил его сидящий рядом раб. – Больше тебе уж ничо не увидать, токо энтот трюм. Тута мы все и издохнем.

– Так работа же тяжелая, – так же шепотом ответил маг. – Зачем они такого старика, как я, купили? С меня же толку мало...

– Ты шо, старый, с неба рухнул, шо ли? – ухмыльнулся сосед. – Это ж кадаирская галера, у них рабы, шо мухи мрут, каждый рейс трюмников меняют. Они и до Тирхома едва доплыли, рабов с десятков живых осталось. Гнались за кем-то, гребцам роздыху не давали, вот те и перемерли. А на берегу покупали, шо предложат подешевле.

– Но зачем же так?

– Кадаирцы, кто их, слуг пророка, разберет... Нам еще повезло, шо у них денег почти не осталось, так капитан приказал рабов чуток поберечь.

– А ну заткнитесь, скоты!

Кнут надсмотрщика прошелся по спинам собеседников. Стиор вздрогнул от пронзительной боли и снова дал себе слово разобраться с этим надсмотрщиком так, чтобы тот пожалел о своем рождении. Затем заставил себя полностью отдаться ритму гребли, очистил сознание и начал вспоминать случившееся за последний год. Он все еще не мог понять, как оказался на галере, да еще и в бессознательном состоянии. И непонимание магу очень не нравилось.

Почти год прошел с той ночи и его мнимой смерти. И весь этот год старик провел в дороге. Тогда он все же не смог убить несчастного нищего быстро и безболезненно, из-за чего совесть до сих пор не давала Стиору покоя. Никогда он не любил убивать, да еще и невиновных, старался обходиться без убийств. Увы, не всегда получалось. После этого неприятного эпизода, Стиор, изменивший внешность и выглядящий, как пожилой купец средней руки, купил себе место на ксанирском шлюпе, идущем на остров Борн с грузом мехов, которыми издавна славился Инзиур. Мало кто обращал внимание на худощавого неразговорчивого купца, едущего по своим торговым делам в Борн. Правда, он был полностью сед, ну да с кем не бывает, мало ли чего этому купцу в жизни повидать пришлось. Шлюп попался, как назло, очень медленный, да еще и зашел по дороге в Илле-Аль, проторчав там целых две недели. Стиор во время остановки закрылся глухим экраном и безвылазно сидел в своей каюте – для полного счастья только интереса эльфийских магов к его персоне и не хватало.

Дорога до Борна заняла почти три месяца. Маг высадился в столице, городе, носящем то же имя что и остров, и на следующий же день отправился с караваном через перевал в Оорг, знаменитый на весь мир торговый город, где можно было купить и продать все, что душе угодно. К сожалению, северная оконечность острова Борн вплотную прилегала к Срединному архипелагу.

Срединный океан был забит десятками тысяч островов, островков и островочков, это странное скопление и носило имя Срединного архипелага. Ни один корабль даже в водах, проходимых для больших кораблей, не мог обойтись без доброго десятка лоцманов, каждый из которых хорошо знал свой участок архипелага и ничего более. Но большое судно и с лоцманом могло пройти только по краю скопища островов, вглубь океанским кораблям ходу не было. Дальше грузы и пассажиры перевозились тысячами мелких каботажников. В этой дикой мешанине найти кого-либо или что-либо было почти невозможно. Да и известно было в этом лабиринте не более половины проходов, постоянно находились новые острова, заселенные порой странными племенами, поговаривали, что кто-то встречал даже остатки дзенн и вольных драконов. Но Стиор в такие рассказы не верил, слишком хорошо знал, что моряки любят приукрасить скучные плавания и выдумывают разные истории, а потом столько раз рассказывают их лопухам, что и сами начинают в них верить.

– А ну греби, крыса навозная! – прервал размышления старика окрик надсмотрщика, вслед за которым сразу последовал удар кнутом. Стиор вскрикнул.

– Простите, господин... – пролепетал он, едва сдерживая ярость.

Надсмотрщик, ослабился и устрашающе потряс кнутом перед носом Стиора. Маг послушно заработал веслом. Только убедившись, что надсмотрщик больше не следит за ним, он вернулся к прерванным размышлениям.

На островах Срединного архипелага кое с кем из малоизвестных племен торговали, но они мало что могли предложить алчным торговцам. Магу во времена своего двадцатилетнего путешествия по миру довелось побывать в гостях у многих таких племен. Большинство оказалось сущими дикарями и ничего собой не представляло, но были и сохраняющие древнюю мудрость еще от дзенн. Больше всех знала об архипелаге Церковь, но к ее архивам доступа не имел никто, кроме самих святых отцов. Немалое число островов, особенно из близких к Фалнору, захватили палadini. Они действовали с ошеломляющей жестокостью – если население острова не желало принимать веру в Спасителя, то уничтожались все – от древнего старика до младенца: Церковь жалости не ведала.

В Фалинграде давно точили зубы на Ллинь-Тон, гигантский остров на северо-западе архипелага, многие вообще предпочитали считать его четвертым материком. Но захватить его святым отцам никак не удавалось – населению трех небольших стран, расположенных на Ллинь-Тоне, совсем не улыбалось оказаться под тяжелой лапой Церкви, и островитяне сопротивлялись, как могли. А империя с удовольствием оказывала им помощь войсками, кораблями

и оружием. Дело в том, что весь остров был окружен очень широкой и совершенно непроходимой полосой коралловых рифов, в которой существовало всего три известных прохода. И эти проходы тщательно охранялись, около них патрулировали боевые корабли. Пройти через проходы без лощмана тоже было почти невозможно, а если кто и исхитрился, то его радостно встречали флоты с катапультами наготове. Обычно королевства Ллинъ-Тона увлеченно грызлись между собой, но при малейшем намеке на угрозу со стороны Фалнора тут же забывали обо всех распрях и дружно накидывались на захватчиков. Впрочем, немалую помощь, как уже говорилось, оказывали присылаемые Надом войска. Империя торговала на Ллинъ-Тоне совершенно свободно и почти беспощинно – многие вообще считали остров едва ли не имперской провинцией.

К юго-западу от Ллинъ-Тона лежал печально известный остров Тар – убежище пиратов. На полмира раскинулись их шупальца. И у берегов Фалнора, и у Коствада, и у Кадаира, и у Крон Арингара встречались пиратские бригаи. Только в воды империи они заплывать не осмеливались – границы охраняли драконы и маги. И те, и другие везде, кроме империи, были вне закона, вот и защищали страну, давшую им убежище, изо всех сил, понимая, что в случае победы Церкви места им в мире не останется. Но в другом месте купец в любой момент мог увидеть мачты пиратского бригаа, после чего оставалось только молиться – уйти шансов не было. Свои непохожие на других корабли пираты строили сами, и никто не знал секрета скорости этих узких, невероятно быстрых четырехмачтовиков. Многие спрашивали себя: почему Церковь не трогает Тар? Кое-кто даже подозревал, что пираты давно под контролем святых отцов, но это были всего лишь подозрения.

Передвигаясь от островка к островку, Стиор к декабрю добрался до следующего большого острова – Ларбы, где ему пришлось задержаться на всю зиму, так как начался период зимних штормов, и ни одна собака не рисковала даже носа высунуть из гавани. Три месяца старик мучился от безделья и тревоги в одной из гостиниц Ларбада, единственного большого города на острове.

Причины тревожиться были. Уже несколько месяцев, с самого Оорга, маг явственно ощущал направленный на него поток внимания. Именно на него, отлавливать такие потоки обучил его еще учитель. А раз им кто-то усиленно начал интересоваться, то его уже ищут. Похоже, инсценировка собственной смерти была ошибкой и привлекла нежелательное внимание. По всей видимости, это именно те, кого маг боялся больше всего на свете: Ищущие Святой Инквизиции.

Стиор никогда не недооценивал Церковь, там подвизалось множество талантливых людей, они не могли упустить случившегося в ночь рождения Трех. Оставалось только надеяться, что на его поиски еще не брошены все силы Церкви. А если еще и Контора заинтересуется... Об этом не хотелось даже думать, но предусмотреть и такой вариант развития событий маг был обязан. Надо всегда исходить из худшего. Подозрение в том, что его преследуют, перерастало в уверенность, от чего старик нервничал все больше и больше. Он изо всех сил старался не привлекать к себе внимания и вообще отказался от использования магии – слишком хорошо Ищущие умели вынюхивать ее следы. Стиор даже сменил облик купца на отставного туагского боцмана, добирающегося домой. И вел себя соответственно – пьянствовал, шумел, даже дрался. Но при всем этом прекрасно понимал – если уж Инквизиция встала на след, то рано или поздно его найдут. И лучше, если поздно, когда он уже успеет исполнить свой долг. Но для того, чтобы успеть, чтобы оторваться, необходимо предпринять что-нибудь необычное, что-нибудь настолько нетривиальное, что никому и в голову не придет.

Как только началась новая навигация, маг отправился на остров Тсорм, в Тирхом. В обличье старого моряка, дабы избежать любопытных вопросов, он не поплыл пассажиром, а нанялся палубным матросом на барку из Квана, перевозящую живых овец. В основном, ему приходилось ухаживать за овцами, но это особой роли не играло – работы, даже самой тяже-

лой и грязной, маг никогда не боялся. Плавание заняло два месяца – даже на краю архипелага острова стояли слишком кучно, чтобы плыть по прямой. О магии Стиор приказал себе забыть и жил так, как выглядел – обнищавшим моряком, возвращающимся домой. Незачем облегчать Ищущим поиски.

Добравшись до Тирхома, он уволился с барки и тут же отправился на поиски судна, идущего в Туаг. Увы, такого не нашлось. Стиор довольно долго мотался по порту, пока кто-то не посоветовал поспрашивать в припортовых кабаках – капитаны в это время дня обычно сидели там. Маг послушался совета и пошел по злачным местам. Но никто не шел в Туаг, никто даже не слышал о судне, собирающемся в эту забытую богом страну. Стиор уже начал отчаиваться, когда ему, наконец, улыбнулась удача. В одном из кабаков компания, сидевшая в углу, в ответ на его расспросы заявила, что они идут в Туаг. Магу предложили присесть и выпить с ними, капитан, мол, скоро должен подойти. Он облегченно вздохнул, выпил кружку эля и... очнулся на галере.

«Эх ты, прирожденный маг... – горько посетовал старик. – Дожился, сонного зелья не учуял... Да тебя тепленького вот так Инквизиция могла взять, а ты бы и не пикнул...»

Похоже, нарвался на портовое отребье, промышляющее продажей случайных путников на рабские галеры. Да, действительно, как он мог забыть об этом процветающем на нищих островах ремесле? Думал только о глобальном, а так нельзя, именно так легко угодить в руки церковников. Вот и попался этим ловцам рабов, как сопливый щенок! Да, магу отсюда уйти совсем не трудно, можно даже разнести галеру на кусочки. Но стоит ли сейчас применять магию? Вряд ли. Следы сильных заклинаний станут для Ищущих хорошо видимым маяком, сигнализирующим, что здесь был Стиор арн Над. А тогда его найдут очень быстро. Да и галера в открытом море.

– Ну, ты силен, дед... – прошептал сидящий рядом раб. – Даже не запыхался.

– Бывал уже... – неохотно проворчал маг, досадуя на себя за то, что забыл проявлять признаки усталости. Так и попасться недолго... На его счастье, рядом проходил надсмотрщик, и сосед тут же забыл о вопросах.

День тянулся за днем. Духота и тяжелая работа делали свое дело – рабы мерли один за другим. На Стиора поглядывали с удивлением: как это такой старик еще держится, когда многие молодые и сильные уже отдали концы? Надсмотрщики бесновались вовсю, но галера шла все медленнее и медленнее. Спина каждого из оставшихся в живых рабов покрылась рубцами, но быстрее грести они не могли. Стиор постепенно начал понимать, что, несмотря на магическую подпитку, долго так не выдержать и ему. В Кадаир тоже не слишком хотелось попадать. Верящие в пророка ненавидели магию и магов не менее чем Церковь. И прирожденного мага их муфтии вынюхают еще в порту. Уходить придется с боем, а это в планы Стиора не входило – Ищущие тотчас возьмут его след. Странно, но, несмотря на разницу в вероисповедании, Кадаир и Фалнор почему-то были очень дружны. Маг давно подозревал, что кадаирские муфтии являются всего лишь подразделением единой Церкви. Так что любому магу в Кадаире делать совершенно нечего.

Стиор привычно вызвал перед внутренним зрением карту Танра и мысленно прочертил предполагаемый маршрут галеры. В этот момент его осенило. Ведь дорога в Кадаир из Тирхома все равно пролегает мимо юго-восточного побережья Туага. Маг осторожно вытянул поисковые силовые щупальца и определил свое точное местонахождение. Повезло, вовремя спохватился – галера как раз входила в Каменный пролив между Арбадоном и Ксаниром. В этом проливе, несмотря на его ширину, то и дело бушевали внезапные шторма, и корабли часто гибли. Рифов и коварных мелей тоже хватало. Гибель еще одного корабля не вызовет ненужных кривотолков. Но все равно оставалась та же загвоздка – уйти без применения магии Стиор не мог, а любое сильное заклинание оставит свой след. И след, который быстро обнаружат Ищущие.

Опять все возвращалось на круги своя. Маг не знал, что делать, и пребывал в растерянности. Да, найти его следы в открытом море будет трудновато, но он хорошо знал упорство служителей Церкви. А не уходить тоже нельзя – еще два-три дня, и галера войдет в пределы границ ханства. Бежать тогда будет стократ труднее, а значит, терять время нельзя. Надо только найти способ замаскировать следы. Старый маг разбросал поисковые шупы еще дальше, и кривая ухмылка исказила его лицо – невдалеке зарождался тайфун. А какой бы силы магические действия ни совершались в его сердце, тайфун размывает их следы по всему океану. Да, он должен был пройти в стороне, но зря, что ли, Стиор столько лет изучал магию стихий?

К утру заметно посвежело, и капитан «Звезды пророка» с тревогой поглядывал на волны и пробовал пальцем ветер. Небо уже начинало темнеть, и капитан ничего не понимал – с вечера ничего не предвещало бури, а такого быть не могло. Все инстинкты старого морского волка кричали о страшной опасности. Но растерянность его оказалась так велика, что капитан все еще не предпринимал никаких действий, только приказал спустить паруса и приготовиться к шторму. Не бывает так, чтобы шторм налетел столь внезапно! Нос моряка предупреждал его о беде: их ждал не просто шторм, а встреча с самым страшным убийцей южных морей – тайфуном. Команда носилась, как бешеная, принайтовывая все, что могло быть смыто за борт, рабы, понуждаемые надсмотрщиками, гребли, как сумасшедшие. Но только капитан, да, может, еще не менее опытный боцман, понимали, что уйти от тайфуна не удастся. И очень сомнительно, что вообще удастся выжить. Первые резкие порывы ветра швырнули ключья пены в лицо капитану, но он даже не утерся, остановившимся взглядом смотря в пространство перед собой.

Стиор изо всех сил греб вместе с другими рабами и довольно скалил зубы в темноте – капитан пытается уйти от тайфуна на веслах, еще не понимая, что вызвавший бурю находится на борту. На парусах, понятно, не рискует, знает, чем это чревато. Сила шторма переполняла тело старика, ему хотелось петь и смеяться. Команда галеры заслужила свою судьбу, так обращаясь с рабами, живя за счет чужой боли и горя. Маг притягивал тайфун все ближе, галеру начало швырять из сторону в сторону. И работа уже мешала сосредоточиться. Стиор пробормотал короткое заклинание, огромные весла по бортам галеры вспыхнули ярким синим пламенем и через несколько мгновений рассыпались невесомым пеплом. С палубы в трюм донесся многоголосый вой ужаса видевших это матросов. Многие из рабов от неожиданности попадали. Белый, как мел, надсмотрщик неверяще смотрел на это. Крики, стоны, вой рабов заглушили почти все прочие звуки. Стиор, не обращая внимания на кавардак вокруг него принялся за дело всерьез, впервые за многие годы работая в полную силу прирожденного мага. Он легко создал вокруг израненной галеры силовой кокон и перетащил ее в глаз тайфуна.

Пришло время возмездия. Выжить не должен ни один из команды галеры, магу совсем не нужны были рассказы в тавернах о колдуне на борту. Старика только жалко было рабов, своих товарищей по несчастью. Но его миссия слишком важна, чтобы поддаваться жалости. И все же он решил, что если среди несчастных найдется яркая личность, то такого он спасет. Стиор быстро просканировал рабов еще раз. Увы – ни одного. Ни одного поэта, ни одного музыканта или художника, ни одного взыскующего истину. Серые, скучные и бесполезные людишки, предназначенные всю жизнь служить машинами для перевода пищи в дерьмо. Мир ничего не потеряет от их гибели. А значит...

Стиор тихо произнес Слово Смерти, известное едва ли десятку магов на всем Танре, и сопроводил его коротким выбросом энергии. Все шестьдесят восемь оставшихся в живых рабов вдруг замолчали и попадали на скамьи. Они умерли мгновенно, не успев даже понять, что умирают. Один из надсмотрщиков, ничего не сообразив, повел вытаращенными глазами по трюму и срывающимся голосом завопил:

– А ну вставайте, падаль!

– Они не встанут, – с кривой ухмылкой на губах поднялся вдруг ему навстречу старый раб, непонятно, как и выживший. – Они мертвы.

Он вытянул вперед руки и снова ухмыльнулся. Надсмотрщик едва понял, что сказал ему старик, его собственный страх перехлестывал через край.

– Мертвы... – тупо повторил он. – Но почему?!

– Я их убил.

– Ты?.. – не поверил верзила и заржал.

Странный раб произнес короткое, хриплое, неприятно звучащее слово. Браслеты от цепей на его вытянутых вперед руках вдруг налились белым светом и стекли на настил трюма лужицами расплавленного металла. Надсмотрщик некоторое время с непониманием смотрел на это, потом весь ужас происходящего начал доходить до его затуманенного винными парами сознания.

– Колдун... – простонал он.

– Именно так! – торжествующе осклабился Стиор. – И вы исхитрились взять в рабство колдуна, избивать его кнутом и морить голодом. А теперь колдун желает отблагодарить вас.

– Пощади, господин! – взвыли все трое надсмотрщиков, рухнув на колени. – Мы же не знали! Пощади...

– Если бы кто-нибудь из вас, – хрипло сказал Стиор, – хоть один раз пожалел раба... Но вы никого не жалели. Поэтому – сдохните!

Маг взмахнул рукой, и вой боли наполнил трюм. Он сжег на надсмотрщиках кожу, и теперь им предстояло долго умирать в страшных мучениях. Данное в первый день рабства слово было исполнено. Да, Стиор знал, что это слишком жестоко, но ничего не мог поделать со своей ненавистью к зверью, упивающемуся чужими страданиями.

Капитан и команда галеры его величества шаха были не просто в ужасе, а уже в ступоре. Все они понимали, что попали в тайфун, и знали, что могут погибнуть. Что вероятнее всего погибнут. Пугало другое – неестественная, абсолютная тишина, и галера, мертво застывшая среди волн без малейшего движения. Но ни одна капля воды не достигала палубы. Казалось, корабль прикрыт невидимой стеной, не пропускающей ничего. А тут еще непонятно каким образом сгоревшие весла...

Вдруг палуба перед капитанским мостиком взорвалась, и сквозь образовавшуюся дыру вылетел оборванный худой старик. Он завис невдалеке от капитана и издевательски ухмыльнулся, уставившись тому в глаза. Опытный морской волк давно не боялся ни бога, ни дзенна, но в этот момент его пробрала дрожь.

– Вам следовало бы внимательнее относиться к выбору рабов, капитан... – насмешливо сказал старик.

– А теперь что?.. – с тоской спросил тот, тут же все поняв и прокляв весь мир.

– Теперь? – осклабился колдун. – Теперь вы умрете.

Матросы, офицеры и сам капитан со страхом наблюдали, как колдун плывет по воздуху прочь. Но отплыл он недалеко, на пару сотен шагов, затем повернулся к кораблю и поднял руки. Все осознав, люди обреченно завывали, ощущая приближающуюся смерть. Вид колдуна с поднятыми руками был последним, что видели в своей жизни кадаирские моряки с галеры «Звезда пророка». Странное, неестественно синее пламя мгновенно охватило корабль с носа до кормы. Через несколько минут только пятно расплывающегося по воде пепла напоминало о том, что здесь что-то было.

Стиор еще немного повисел в воздухе, глядя на дело своих рук, затем вздохнул и опустил голову. Он окружил себя силовым коконом, опустился под воду и неспешно направился в сторону далекого туагского берега.

* * *

Когда у него родилась дочь, Дионисий находился с караваном в Лодуне, в очень долгой торговой экспедиции. Он узнал о радостном событии только через год, из письма, которое все это время дожидалось его в соседнем портовом городе, откуда караванщики собирались отправляться домой. Нашел, слава Спасителю!

Купец замер с письмом в руке, невидяще уставившись в окно. Боже, как он мечтал об этом мгновении! Как ждал его, но... Но до этого времени Господь отказывал им с женой в счастье иметь детей, и купец уже подумывал о разводе. Из-за этого он старался бывать дома как можно реже, подолгу путешествуя со своими караванами. Порой, как в этот раз, и по нескольку лет, что хорошо сказывалось на делах, но очень плохо – на семейных отношениях. До недавнего времени Дионисия это совсем не заботило, но теперь...

Получается, у него год назад родилась дочь? Купец как сейчас помнил ночь, когда они с женой ее зачали, только тогда это и могло произойти – после той ночи он с Марфой и не был. А в ее измену поверить не мог, да такое просто не приходило ему в голову. Он в тот вечер вернулся из очередной удачной экспедиции, сухо поздоровался с женой, не слишком желая ее видеть. Дионисию вспомнился ее жалобный и по-собачьи преданный взгляд, который как бы спрашивал: «Ну, разве я виновата?» Этот взгляд что-то задел в загрубевшей душе мужчины. Что-то неуловимое стронулось с места, и купец ощутил жалость и щемящую сердце нежность к несчастной женщине. Он ведь когда-то женился по любви и взял Марфу из бедной семьи, не желая даже смотреть в сторону избалованных дочерей людей своего круга. Вот и случилось, что в ту ночь они с женой так и не уснули, хотя после путешествия Дионисий вымотался до предела.

– Значит, в ту ночь... – купец со слезами радости еще раз перечитал письмо. – Спасибо тебе, Господи!

Он старательно перекрестился, потом повернулся к двери и рявкнул:

– Варфоломей!!!

– Я здесь, ваш сясь! – бодро отозвался прохиндей, вбегая в комнату. – Разрешите поздравить, ваш сясь, с дочерью?

Дионисий обреченно махнул рукой. И что ты будешь с ним делать? Варфоломей был заразой еще той, но при том, как ни странно, преданным слугой. Настолько преданным, что многие из купцов сильно завидовали и пытались сманить толкового и честного управляющего, но тот только посмеивался, слушая выгодные предложения. Его верность зиждилась отнюдь не на деньгах. Однажды Дионисий спас его от костра инквизиции, хотя это и вышло совершенно случайно. Вот с тех-то пор Варфоломей и прижился в доме купца, и не было у того помощника вернее. А в некоторых скользких делах, без которых не обходится ни один купец, если действительно является таковым, он оказался попросту незаменим. Дионисий до сих пор не мог понять, как этому проныре удастся быть в курсе всех значимых событий. Причем, всех и всегда. Вот и сейчас. Ведь гонец только что принес письмо, никому не давая в руки. Сразу же с корабля – сюда. А этот скользкий тип уже знает, что у хозяина родился ребенок. Более того, знает, что дочь. Порой Дионисию казалось, что святые отцы были совершенно правы, когда хотели сжечь проходимца.

– Сколько раз я просил тебя не называть меня ваше сиятельство?! – недовольно буркнул он. – Я же не граф и даже не дворянин! И откуда ты знаешь, что в этом письме?

– Да как же, ваш сясь, – полностью игнорируя просьбу, отозвался слуга. – Ведь гонец ехал с корабля. Человек в море был? Был. Выпить ему хочется? Хочется. Ваш сясь, я же еще поутру отправился в порт и встретил его там. Угостил, все, как полагается. Ну, а прочитать письмо и обратно запечатать – не проблема.

– Значит, прохиндей, ты опять мои письма читал? – с полной безнадежностью в голосе осведомился Дионисий.

Этот грешок купец за Варфоломеем знал. Сначала пытался бороться, а потом понял, что так ему даже лучше. Управляющий порой находил такие возможности выхода из кризисов, которые ни за что не пришли бы в голову самому Дионисию и на которые он никогда не решился бы, хотя охотно пользовался результатами. Чувствовал себя иногда довольно странно, но быстро привык к этому ощущению. Слишком уж выгодным оказалось такое положение дел. Все решалось как бы само собой и не задевало самого купца, не заставляло в мучительных раздумьях принимать решения. Жить стало много легче, и Дионисий радостно погрузился в столь любимый им покой. Варфоломей об этом знал и порой ставил своего господина в известность о собственных действиях только после окончания удачной аферы, не желая выслушивать очередную порцию охов и ахов. Но так было теперь, когда купец уже ко всему привык, а когда он рассказал о своих похождениях впервые, то Дионисий едва не поседел. Испуг хозяина подметил тогда и слуга.

– Да не переживайте вы так, ваш сясь, – небрежно махнул он рукой. – Даже если меня поймают, вы можете смело заявлять, что ничего не знали, и все маги подтвердят это.

Купец спорил, пытался переубедить – нельзя же так нагло грабить своих коллег! Причем проворачивать все так, что все вокруг свято уверены, что виноват кто-то другой, и все шишки сыпались на этого самого ни в чем не повинного другого. Дионисию было неудобно, он чувствовал себя мерзавцем. Потому и пытался переубедить Варфоломея. Каждый раз казалось, что удалось, но вскоре на него сваливался новый рассказ хитрюги. В конце концов, он махнул рукой. Ведь слуга никогда не действовал хозяину во вред и старался вовсю. Жаль, конечно, разоренных купцов, но разве они не разорили бы с удовольствием его самого?

– Значит, опять мои письма читал, – повторил уже утверждающе Дионисий.

– А как же иначе, ваш сясь, – глядя на него честными глазами, отозвался Варфоломей. – А вдруг бы там были какие-нибудь неприятные новости, которые не должны огорчить моего господина?

Это за Варфоломеем тоже водилось. О неприятных письмах и известиях купец частенько узнавал только вместе с известием, что его управляющий с этими самыми неприятностями успешно справился. Причем справился самым диким и невероятным образом, и даже исхитрился получить кое-какую прибыль. Какую часть этой прибыли он оставлял себе, Дионисий не знал. Да и знать не хотел. Поди отыщи другого такого же верного и опытного управляющего! Так что пускай себе ворует, лишь бы не заворовывался.

– Ладно, Спаситель тебе судья. Прикажи подготовить вещи и отправляйся в порт, узнай о ближайшем корабле в Фалнор. Договорись с капитаном о каюте для нас.

– Уже сделано, ваш сясь, – ухмыльнулся прохиндей. – Я ж ведь с соображением. Как только прочитал письмо, сразу отправился в порт и все устроил. А слуги уже вещи собирают. Ваш сясь, я позволил себе вольность и распорядился от вашего имени, чтобы ваш помощник Колин остался здесь вместо вас и закончил все дела.

Дионисий вздохнул. Он и сам хотел оставить Колина, полагая того наиболее подходящим человеком. Но откуда об этом узнал Варфоломей? Выбор-то далеко не очевидный – Колин не из старших. Но если начать вникать в то, что творится в голове этого типа, то можно свихнуться. Дионисий же всегда дорожил своим спокойствием и потому старался всегда и во всем следовать по пути наименьшего сопротивления. Да и думать сейчас он мог только об одном. Дочь! Его кровинка! Только это и интересовало Дионисия, и ничто не могло повернуть его мысли в другую сторону.

– Где она? Где?! Марфа, где она?! – Купец подхватил жену, встречавшую его на пороге, и закружил по комнате.

Марфа радостно рассмеялась. Боже, Дионисий помнил, что никогда еще не слышал у нее такого радостного смеха. А в последние годы она даже улыбалась редко. Только сейчас он понял, что ему нравится смех жены. Так бы и слушал. Надо будет постараться, чтобы она смеялась почаще.

– Закружишь же! – весело отпихнула его Марфа. – Там, в комнате твоя ненаглядная. Только не напугай ее. Ребенок же.

На миг женщина посерьезнела. Кажется, она хотела сказать еще что-то, но передумала. Дионисий этого не заметил, сразу бросившись в детскую комнату.

Маленькая девочка сидела на полу в ворохе разнообразных игрушек. Держа в руке куклу, она сосредоточенно пыталась запихнуть ее в игрушечную карету. При звуке распахнувшейся двери дитя подняло голову и серьезно посмотрело на вошедшего. Совсем недетским взглядом посмотрело...

Дионисий медленно приблизился к полуторагодовалой малышке и присел рядом. Слова комком застряли в горле и никак не хотели оттуда выходить. Глаза покраснели, но счастливый отец удержался и не стал их тереть. Какая она красивая...

– А я знаю, – вдруг заговорила девочка. – Ты мой папа. Я тебя видела во сне. Ты холосий. Я тебя люблю, папа. – Девочка вдруг протянула ручонки и обхватила Дионисия за шею.

– Доченька... – простонал он, подхватывая ее на руки, не обращая внимания ни на радостно плачущую жену, ни на улыбающихся слуг. – Я тебя тоже люблю!

Никогда еще Дионисий не был так счастлив, как в этот день.

2.

Вихрь быстро перелистывал листы донесений и то и дело дергал хвостом, выражая свое разочарование. Происходящее в последние два года очень сильно не нравилось дракону. Он никак не мог понять причин резкой активизации спецслужб Церкви, а они явно есть. Ничего не бывает без причины, ничего не случается просто так. А их служба безопасности для того и создана, чтобы выяснять эти причины, а затем, зная их, противостоять наплыву событий. Ну, на какого дзенна пресвятому отцу понадобились еще две независимые спецслужбы? С чего вдруг Церковь решила почистить самое себя? Ведь никаких предпосылок для этого не возникло! Чудеса какие-то, да и только.

Хорошо, можно предположить, что Итан бер Саан предложил первосвященнику новый метод поиска еретиков, и его приняли, выделив Очищающих в отдельную службу. Но это ничего не объясняло – зачем создавать спецслужбу заново, когда можно создать отдел в рамках существующей? Пусть и обладающий полной автономностью. А методы работы бер Саана? Никогда до сих пор инквизиторы так не работали – для них главным было закрыть дело, поэтому лжедоказательства обычно добывались при помощи пыток. Очищающие тоже пытаются, но только тех, у кого хотят что-то узнать. Им не нужны признания в принадлежности к чему-либо! Они даже отпускают тех, кто им не нужен – чего не случалось на землях Церкви уже лет пятьсот. Раньше, если уж разумный попадал в лапы Инквизиции, то спасти его могло только чудо. Теперь – нет. Это необычно. Проклятая необычность сильно досаждала Вихрю, который никак не мог объяснить ее хотя бы самому себе. Похоже, Очищающие что-то ищут, что-то очень важное, и ищут лихорадочно, вся их деятельность посвящена этому самому поиску. Но что они ищут?!

За все сто тридцать лет своей карьеры Вихрь еще не попадал в столь глупое положение. Раньше он всегда опережал церковников и знал, чем они занимаются. Теперь стало наоборот, и это дракона просто бесило. Подобные размышления за прошедшие два года стали для него привычны. И за все эти два года так и не удалось ничего выяснить. Скверно также, что почти всех его агентов в Фалноре, прежде чувствующих себя там вольготно, люди бер Саана и его подельника, Матфея, выловили походя, не прилагая особых усилий. Почти все шпионские сети оказались разрушены. Многие были выловлены до последнего человека! Резиденты же с издевательским напутствием доставлены к границам империи, чего тоже никогда еще не случилось – ранее пойманные резиденты прилюдно сжигались заживо для устрашения решившихся работать на врага. Вихрь от всего этого приходил в неистовство. Правда, делу это не особо помогало, скорее наоборот. Происходящее казалось дракону невозможным, но он всегда был реалистом и не принимать во внимание изменившихся так сильно условий не мог.

Но хуже всего, что даже оставшиеся агенты почти не могли работать. Еще два года назад сведения добывались в основном за счет подкупа церковников различных уровней. Сейчас же все они сделались до тошноты преданными Святой Матери-Церкви и при попытке предложить взятку тут же зовут стражу. Брат Матфей, бледная архивная поганка, внезапно вынырнувшая из ниоткуда, до смерти перепугал слуг господних. Впрочем, проклятый монах успел передать, наверное, половину из них, назначая на их места молодых фанатиков. А с фанатиками иметь дело совершенно невозможно... В душе Вихрь, как профессионал, не мог, конечно, не восхищаться самоотверженностью Матфея и его умением работать. Суметь за каких-то два года приструнить ранее пользующихся полной безнаказанностью церковных иерархов? Нужно быть гением, чтобы совершить такое.

Но снова беспокоил вопрос – кому и зачем это понадобилось? Дракон, естественно, знал о страшной ночи, когда все, хоть немного ощущающие магию, проснулись в холодном поту от ужаса. Да он сам чуть с ума тогда не сошел. Но что в ту ночь произошло? Что-то очень

неприятное, это Вихрь понимал, но не знал – что, и это незнание раздражало, так как он не мог ничего предпринять. Это явно что-то очень древнее, что-то неожиданно вырвавшееся на свободу. Но с тех пор вырвавшееся зло никак не проявляло себя, и дракон постепенно перестал думать о нем, хватало насущных проблем. Его агенты давным-давно доставили информацию о том, что именно в ту ночь брат Матфей прибежал из архива и едва ли не силой вломился в покои первосвященника, который почему-то не отправил наглого монашка в ссылку, а выслушал его.

Дракон задумчиво почесал когтем нос и нервно щелкнул зубами. По всем признакам, именно после этой проклятой ночи и изменилась политика Церкви, затрясло весь Фалнор. Вихрь полхвоста готов был отдать, чтобы только узнать, о чем говорилось тогда в покоях первосвященника. Но это, увы, совершенно невозможно – так высоко его шпионы доступа не имели и два года назад, а что уж говорить о нынешних временах, когда их там почти не осталось? Он быстро прогнал в памяти дальнейшие события – через два дня Светозар собрал у себя будущую команду бер Саана, и к ним опять прорвался брат Матфей. Вышел из покоев первосвященника он уже всемогущим главой Чистых, от одного упоминания о которых вскоре начало трясти любого церковника. И бер Саан, и Матфей тут же развернули бурную деятельность. Но если с бывшей архивной крысой относительно ясно, то тарский пират остался загадкой за семью замками.

Вспомнилась еще одна досадная неприятность, и дракон от злости даже укусил себя за кончик хвоста – это чисто его прокол. Архивная крыса почти сразу после возвышения вытащила из ссылок и тюрем аналитиков отца Симона. В свое время Вихрь приложил огромные усилия, чтобы их в эти тюрьмы и ссылки упечь. Драконы давно разработали и активно использовали метод системного анализа событий, подобный методу отца Симона, и знали о его крайней полезности. Поэтому и пришлось тут же, как узнали, что в Фалноре появилось нечто похожее, принимать меры. Сперва решено было просто уничтожить всех знакомых с новым методом анализа, но когда Вихрь изучил его, то пришел в восторг. Отец Симон оказался гением, его метод был намного лучше известного ранее. Дракон пожалел гения, только озабочился, чтобы его метод не попал в лапы церковников. Теперь, конечно, Вихрь понимал, что был непозволительно гуманен, и из-за его жалостливости Церковь получила новое опасное оружие.

– Эй, ящерица желтопузая! – оборвал его размышления веселый голос Навра.

– От старого козла слышу! – не остался в долгу дракон.

Навр действительно смахивал на вышеупомянутое животное, так как был немолодым уже сатиром с ехидным выражением на морде и полностью соответствующим этому выражению въедливым характером. Их постоянные пикировки и упражнения в остроумии иногда несколько раздражали Вихря, но тут Навр выдавал на гора очередные результаты, и дракону оставалось только восхищенно усаживаться на собственный хвост. Выглядевший обычным гулякой и пьяницей, сатир умел работать так, что одно удовольствие наблюдать. Его великолепные многоходовые, разветвленные комбинации срабатывали почти всегда и настолько четко, насколько это вообще возможно. Каждая из них была столь цинична, что скорее походила на провокацию, а чаще всего, ею и являлась. В Службе Безопасности империи Над трудно было найти лучшего оперативника, и Навр Стобер по праву занимал должность начальника департамента внешней разведки. Сам Вихрь вот уже сто лет как возглавлял эту самую Службу, в просторечии именуемую чаще всего Конторой. И мало кто в империи или за ее пределами, услышав это слово, не вздрагивал.

Рядом с сатиром стоял Стирген, начальник департамента контрразведки, наследный принц империи. Который, кстати, занимал эту должность отнюдь не в силу того, что был принцем. Он начинал в Конторе с самых низов, стажером – Вихрю плевать было на то, кто он. Стирген добился всего своими силами, став лучшим на памяти дракона контрразведчиком. Он жалел только об одном – принцу вскоре придется уходить и заниматься куда более неприятной

работой, императору ведь уже за девяносто. И Вихрь не знал, кого поставить на место Стиргена, не было у него на примете контрразведчика такого уровня.

Что-то насторожило его, и тут дракон понял – эти двое заявили к шефу вместе, что бывало только в случае серьезного кризиса.

– Ну, что там у вас? – недовольно пробурчал он, исподтишка наблюдая за двумя ехидными физиономиями.

Дракон грыз кончик собственного хвоста, ему не терпелось вернуться к осмыслению ситуации, но, понимая, что начальники департаментов не явились бы к нему без серьезного повода, ждал, что они скажут.

– Да кое-что имеется, имеется... – скривил умильную рожицу сатир и почесал кончик обломанного рога. Принц криво усмехнулся.

– Ну, и?..

– Мой драгоценнейший и возлюбленнейший шеф! – патетически провозгласил Навр, хитро поглядывая на дракона из-под прикрытых век. – Тут Стирген кончик одной интереснейшей ниточки ухватил, а я за нее потянул, потянул...

– Стирген, хоть ты будь немного серьезнее! – раздраженно повернулся к тому Вихрь.

Принц, высокий сухощавый мужчина лет сорока пяти с очень серьезным лицом и спокойными глазами, по-солдафонски вытянулся и щелкнул каблуками.

– Есть, шеф! – во всю глотку гаркнул он.

– Тьфу на вас обоих! – дракон в раздражении грохнул хвостом об пол так, что задребезжали оконные стекла. – Раздолбай!

– Ладно, к делу, – кивнул Стирген, очень довольный тем, что вывел начальство из себя. – Похоже, у нас в гостях побывали Очищающие.

– Вот как?

– Да. Команда бер Саана. По всем признакам, он сам тоже был с ними.

Вот так новости! Вихрь в возбуждении приподнялся на передних лапах. Итан бер Саан осмелится появиться в его владениях? Крайне интересно!

– Их взяли? – быстро спросил дракон.

Принц досадливо дернулся и разочарованно развел руками.

– Увы, – вздохнул он. – Нам удалось что-то узнать только через несколько месяцев после того, как их и след простыл. Извини, никому и в голову не могло прийти, что они осмелятся.

– Хоть удалось выяснить, что им было нужно? – помрачнел Вихрь.

– Выяснили, – кивнул головой Стирген. – И все стало еще непонятнее. Хотя события интересные и необычные.

– И?.. – дракон выпустил когти и поскреб ими по полу.

– Началось все с нескольких странных убийств в Инзиуре, городе Ассамблеи. Точнее, исчезновений. Без следа пропали известный дантист, трактирщик, лавочник и несколько рабочих Второй гильдии, занимающейся обслуживанием магов. Ремонт башен там, уборкой. Все остальные тоже работали на магов, доставляя им продукты и остальное необходимое для жизни. Через несколько дней семьи пропавших забили тревогу и обратились в Стражу. Стражники неохотно начали искать, полагая, что пропавшие просто загуляли. Однако через несколько дней на свалках начали находить куски расчлененных тел. Когда в одном из убитых опознали пропавшего трактирщика, в Страже поняли, что это дело вне их компетенции и обратились в местное отделение Конторы. Его начальник сработал очень неплохо, хоть и медленно, как по мне – решил, что имеет дело с обычным маньяком-убийцей.

– Кто там у нас? – поинтересовался Вихрь.

– Лиго Стомски, анзалонский эмигрант во втором поколении. Дает неплохие результаты. Но в Инзиуре ему скучно, давно надоело разбираться в склоках магов. И слезкой за ними. Ничего интересного там давно уже не случалось. Когда ему попалось это дело, Лиго вцепился

в него, как клещ. Он наводнил своими агентами город и принялся едва ли не поминутно выяснять, чем занимались пропавшие в несколько последних дней до исчезновения. Это оказалось проще, чем он думал, так как все исчезнувшие работали в одном районе. Лиго начал допрашивать живущих и работающих там. На это, к сожалению, ушло около трех месяцев. Он уже знал к тому времени, что какие-то люди интересовались теми, кто работает на магов, и щедро оплачивали сведения. Тщательный поиск, в конце концов, дал результаты – один из городских пьяниц как раз собрался прикорнуть за мусорным баком в переулке, когда бер Саан притащил туда для допроса одного из пропавших работяг. То, что сотворили инквизиторы с беднягой, так напугало пьяницу, что он сразу протрезвел, а потом побежал домой и сидел там, не вылезая, больше месяца. И молчал, как рыба. Однако, узнав, что его допрашивает Контора, перепугался еще сильнее и раскололся.

Вихрь приподнял голову, он ощущал всей шкурой, что подчиненные на сей раз принесли что-то очень необычное.

– Инквизитор интересовался только одним, – продолжил Стирген, – он выспрашивал, где бывал, что делал и у какого дантиста лечился один недавно погибший по собственной неосторожности маг-отшельник, годами не показывавшийся на людях.

– Как звали этого мага? – пристально посмотрел на принца Вихрь.

– А ты попробуй догадаться, шеф, – прищурился тот. – Вспомни все происшествия в Инзиуре за последние годы.

Тренированный ум дракона тут же достал из памяти всю информацию по магам, отбросил лишнее, оставив данные по несчастным случаям. Только одно имя вспыхнуло перед его глазами огненными буквами.

– Не может быть... – хрипло выдохнул Вихрь. – Твой незаконнорожденный дядя?! Стиор арн Над?

– Именно! – кивнул Стирген. – Не понимая, зачем убийцам погибший маг, даже бывший когда-то принцем, Лиго растерялся. Он в свое время расследовал гибель старика, как положено в случае смерти любого из императорской семьи, но пришел к выводу, что имел место обычный несчастный случай. Затем ему в голову пришла гениальная идея – он пригласил мага-художника, есть несколько таких в Ассамблее, и попросил его вытащить внешность убийцы из памяти пьяницы. Маг справился на отлично. Когда Лиго увидел портрет, он не поверил своим глазам. Не узнать эти желтые глаза и крючковатый нос было невозможно. Поняв, что перед ним портрет Итана бер Саана, он немедленно связался со мной и рассказал вышеописанное. Я бросил все дела и поспешил в Инзиур. Это случилось год и три месяца назад.

– А мне хоть словечком намекнуть не мог? – обидчиво спросил Вихрь.

– Шеф, ты же меня знаешь, – поморщился принц. – Не люблю выдавать на гора неоконченные дела. Я решил сперва подробно выяснить все, что можно, а только потом выносить вопрос на твоё рассмотрение.

– Ладно, проехали, – проворчал дракон, он действительно знал об этой странности Стиргена и мирился с ней.

– Затем выяснились еще более интересные и даже интригующие вещи. Ты знаешь, шеф, что два года назад Стиор арн Над заживо сгорел в своей башне, труп опознали по медальону мага Ассамблеи. Моим дядей давным-давно никто не интересовался, да и выползал он из своего убежища разве что раз в год, на отчетные заседания Ассамблеи. Я сам, до тех пор, всего однажды слышал, что у моего отца есть брат-маг, к тому же, бастард. Узнав, что Церковь интересуется именно им, причем прислала самого Итана бер Саана, я удивился. С чего такой пристальный интерес? Главное, уже после смерти. Как ни жаль, за несколько месяцев мы не нашли никаких следов. Тогда, уже решив закрывать дело, я, для очистки совести, приказал провести эксгумацию трупа. Вот тут-то и начались сюрпризы.

– Какие?

– Во-первых, в могиле вместо одного, оказалось два тела. Вторым был пропавший дантист. Судя по позе, беднягу зарыли живым. Оpozнав его, мы занялись трупом моего дяди. Оказалось, что там похоронен кто-то другой. Стиор арн Над был скопцом, а это тело принадлежало мужчине. На наше счастье, его похоронили в песчаной почве и мягкие ткани не успели разложиться до конца. Для окончательной проверки провели магическую экспертизу. Похороненный никогда в своей жизни не совершал ни единого магического действия. Вывод один: Стиор арн Над инсценировал свою смерть и бежал. Причем, им сильно заинтересовалась Церковь, будучи почти уверена, что он жив. Как Церкви стало известно о его побеге? Не знаю. Не знаю и почему они вообще им заинтересовались.

– Ты уверен в побеге мага? – прищурился Вихрь.

– Да, – усмехнулся Стирген. – Мой дядя ведь был не просто магом, а прирожденным магом.

– Прирожденным магом?.. – снова изумленно приподнялся дракон.

Он немного подумал, покачал головой и сказал:

– Ты совершенно прав. Не мог прирожденный маг стореть по глупой ошибке, они для такой смерти чересчур сильны. Он бы сразу телепортировался куда-нибудь или улетел. Это действительно интересно. Но вы пришли вдвоем. Значит, мага удалось отследить и за границей?

– Я же говорил, что потянул за ниточку, – захихикал Навр. – Не вчера со скотного двора выполз! Кое-что уже умеем, умеем...

Он почесал основание рогов и шумно поискался, делая вид, что у него водятся блохи. Вихрь, смотрящий на это безобразие, начал раздраженно постукивать когтем по полу. По лицу Стиргена было видно, что он с трудом удерживается от смеха.

– Мои люди, – продолжил, наконец, сатир, поизощрявшись в меру своих способностей, – выяснили, какие корабли вышли в море из Инзиура в течение недели со дня лжесмерти мага. Он времени зря не терял: в тот же день отплыл на ксанирском шлюпе в Борн под видом средней руки купца по имени Дирн Радиур. Типичнейшее для империи имя. Стиор все плавание провел в своей каюте, даже еду приказал доставлять туда. Что на купца, как вы сами понимаете, ничуть не похоже. За три месяца он спокойно добрался до острова и из столицы через перевал отправился в Оорг. Тут же, дня не отдохнул. Отсюда делаем вывод, что маг куда-то очень спешил. Ища его следы в Борне, мы натолкнулись на следы людей бер Саана. Они интересовались тем же купцом.

– Да, – кивнул дракон, – тут все однозначно. Маг спешил, как на пожар. Но неясными остаются его мотивы. Почему он так тщательно скрывался? Никто не стал бы его держать, пусть бы ехал, куда хочет. Еще более непонятен плотный интерес со стороны Церкви.

– Именно последний вопрос меня волнует больше всего, – вздохнул Стирген. – Ты даже не представляешь, насколько плотен этот интерес, шеф. Через наших агентов удалось выяснить, что поиски мага идут по всему миру, и в этих поисках задействовано несколько тысяч человек. На моей памяти так Церковь не искала еще никого. Возникает ощущение, что от того, найдут или нет моего дядю, зависит само ее существование.

– Повтори, что ты сказал! – вдруг рявкнул Вихрь, вскакивая на все четыре лапы от ошеломившей его догадки.

Ничего не понявший принц повторил. Он изумленно оглядывал встревоженного дракона – того трясло, он пританцовывал на месте, из пасти тянулась струйка дыма. В таком состоянии своего начальника Стиргену видеть еще не приходилось. Что могло его настолько взволновать? Принц припомнил все сказанное, но так и не понял, в чем тут дело. Ничего такого он не принес, да, интересно, но не более того. Впрочем, все давно привыкли, что директору Конторы часто приходят в голову совершенно дикие идеи, приводящие, тем не менее, к успеху. Чем и обуславливалось то, что уже более ста лет дракон занимал свою должность. По праву занимал.

Через некоторое время Вихрь немного успокоился, хотя и чувствовал себя отвратительно. Не дай Создатель, чтобы его догадка оказалась верна! Он скрипнул зубами и спросил:

– Удалось отследить мага дальше?

– Да, – кивнул Навр, с не меньшим интересом наблюдавший за драконом. – Хотя мои агенты и потратили на Срединном архипелаге два месяца на это. Сам знаешь, сколько там тысяч кораблей и корабликов курсирует. Маг добрался до Ларбы и остался там на зиму. Наши друзья из группы бер Саана отстали от него месяца на два, поэтому зимовали в Оорге. Нам потом даже удалось разгромить их базу. Трех положили, жаль только, что самим бер Сааном там и не пахло.

– Действительно, жаль... – рассеянно пробормотал Вихрь, ожесточенно грызя кончик хвоста, что позволял себе крайне редко.

– Шеф! – не выдержал, наконец, Стирген. – Тебе что-то пришло в голову? Что-то, что тебя поразило?

– Потом, потом, – отмахнулся дракон. – Это только предположение, сперва я должен все проверить. Продолжай, Навр.

– Ладно, – хмыкнул сатир, скептически поглядывая на него. – На Ларбе пришлось хорошенько поработать, наш драгоценный маг сменил имидж. Из купца превратился в туагского моряка, возвращающегося домой. По отзывам, даже говорил на всеобщем с ярко-выраженным южно-туагским акцентом. Как только стихли шторма, он нанялся на кванскую барку, перевозящую овец, палубным матросом. Таким образом и добрался до острова Тсорн. Высадился в тирхомском порту. И вот тут мы его надолго потеряли. Мне стыдно, но это так.

– Ладно, – поморщился Вихрь. – А что с «нашими друзьями»?

– Нам удалось плотно сесть им на хвост. Настолько, что они отстали от нас в поисках. Бер Саан несколько раз появлялся на горизонте, но мы тут же привешивали ему такой хвост, что он почти не мог работать и был вынужден тратить все свое время, чтобы оторваться от наших людей. С тех пор ведет себя очень осторожно и не высовывается. Но в Тирхоме произошло одно странное событие...

– Да?

– Похоже, наш противник попытался выйти на контакт.

– Что?! – глаза Вихря вытаращились от изумления. – Бер Саан?!

– Мне так кажется... – кивнул сатир. – Тирхомский резидент обнаружил у себя дома на столе письмо на дзенн-анн. Оно подписано бер Сааном и адресовано тебе.

– Письмо с собой?

– Да.

– Давай, – протянул лапу дракон.

Сатир отдал ему свернутый в трубку листок рисовой бумаги. Вихрь когтем осторожно сорвал печать и развернул письмо. Все верно, дзенн-анн, высший дзенн-анн... Эти перетекающие друг в друга и несущие до нескольких десятков смыслов буквы не узнать было невозможно. Вихрь обожал язык древних, равноценным ему на Танре был разве что эльфийский. На ином языке порой невозможно передать то, что в дзенн-анн говорилось двумя-тремя фразами. Но какова ирония! Верный слуга Церкви использует язык народа, этой же самой Церковью и уничтоженного... Дракон вздохнул и приступил к чтению.

«Мы с вами враги, старые враги. Уже много лет, Вихрь, я ощущаю у себя за спиной вашу тень. Я пытался разгадать тайну вашей личности, но не сумел. Так никто из нас и не знает ни вашего имени, ни того, как вы выглядите. Зато я знаю другое – вы, как и я, профессионал, поэтому скажу прямо. Каждый из нас защищает свои идеалы, свою веру – я не фанатик и понимаю это. Но ничего из того, что имело значение раньше, даже вражда наших стран, теперь значения не имеет. Настают настолько страшные времена, что, возможно,

о вражде придется забыть. В мир возвращается Тот, Кто Ушел. И вернется, если мы ему не помешаем. Прошу поверить мне, это не шутка, не насмешка. Вы ведь заметили, как изменились методы и принципы нашей работы? Уверен, что заметили и задаете себе вопрос: чем это обусловлено? Именно тем и обусловлено, что все силы Церкви брошены на отражение этой страшной опасности. Самой страшной в нашей истории. Между собой наши страны могут разобраться и позже. Ваши люди сейчас совершенно не дают мне работать. А ведь маг, которого мы преследуем, один из тех, кто возвращает Ушедшего в мир. Он – один из хранителей. Я не буду больше ничего вам объяснять, профессионал вашего уровня вполне способен сам найти недостающую информацию. Ищите, и вы убедитесь в моей правоте. Последнее, о чем хочу сказать, это то, что если ценой недопущения в наш мир Ушедшего будет полное уничтожение Церкви, как таковой, мы эту цену готовы уплатить. О своей жизни я даже не говорю, она вообще ничего не стоит.

Епископ Святой Инквизиции, Итан бер Саан»

Возвращение обозленного на все и всех существа, обладающего гигантской мощью?.. Да Тарн захлебнется кровью! Даже несмотря на то, что притязания Ушедшего полностью справедливы. Но мир давно изменился, а древнее существо этого не поймет и попытается вернуть прежнее. А это невозможно. Вихрь вспомнил цветущие и счастливые города и селения империи. Единственного места, где драконы были свои среди своих, где их любили и уважали, где их ценили, где никому в голову не приходило убить дракона только потому, что он дракон. Он представил себе, как рушатся эти города, как заживо сгорают детишки – драконы, орочьи, человечьи... Сердце сжало стальным обручем, нельзя такого допускать! И он, дракон Вихрь, приложит все свои силы, чтобы этого не случилось. Отдаст, если понадобится, жизнь. Проклятый инквизитор прав – их жизни ничего не стоят при таком раскладе, остановить возвращение древнего мага нужно любой ценой. Даже если этой ценой станет жизнь многих драконов! Дети должны жить в безопасности.

– Что там написано? – прервал его молчание принц.

– То, что подтверждает мои догадки, – мрачно отрезал Вихрь. – Когда все удастся выяснить, я сообщу подробности. Если ты веришь мне, Стирген, подожди немного. Удалось найти еще что-нибудь по магу?

– Да, – ответил сатир, со странным блеском в глазах посматривая на дракона, ему тоже явно не терпелось узнать, что же сообщил его шефу старый враг. – В первый же вечер он напорлся на подонков, опаивающих путешественников сонным зельем и продающим в рабство.

– И?..

– Стиора продали на кадаирскую галеру «Звезда пророка». Домой она не возвратилась. Не появлялась также ни в одном из портов близлежащих стран. Просто бесследно исчезла. Мы тщательно обследовали все берега по пути следования «Звезды пророка», в том числе, и с помощью магии. Нашли немало следов кораблекрушений, но ни единого обломка искомой галеры. Мне очень жаль, но...

– Ясно, – прервал его дракон. – Слушайте приказ. Всех лучших агентов на поиски Стиора арн Нада! Лучших из лучших магов возьмите в Ассамблее, заплатите, сколько скажут, пусть обследуют все возможные варианты следования галеры. Не жалеть ни денег, ни людей, ни времени!

– Но почему такое внимание к какому-то беглому магу?! – полезли на лоб от изумления глаза принца. – Да будь он хоть трижды брат императора, но он бастард и скопец!

– Не в этом дело... – вздохнул Вихрь. – Совсем даже не в этом. Если я прав, и не дай Создатель, чтобы я оказался прав, то этот маг один из тех, кто способен вернуть в наш мир

Ушедшего. Именно этим он сейчас и занят. Вам надо объяснять, что это может означать для империи?

– Не надо, – скривился Стирген. – Но это не может быть правдой. Это сказки, и я не понимаю, почему Церковь в них поверила, святые отцы всегда отличались крайней практичностью.

– Пусть даже есть только один процент за то, что это правда, – ощерился дракон, – мы все равно обязаны принять все меры к недопущению. Пусть лучше над нами смеются все, кому не лень, чем потом видеть, как гибнут наши дети и понимать, что мы могли это предотвратить.

– Согласен, принять меры мы обязаны, – сказал помрачневший и разом растерявший всю свою веселость сатир, принц также кивнул и задумался, что-то отмечая про себя и загибая пальцы.

– Где в империи самые древние архивы? – спросил Вихрь. – Желательно, дзеннские.

– Пожалуй, на острове Киноур, – после некоторого размышления ответил Стирген. – Там раньше дзеннское поселение было, а теперь монастырь инуритов.

– Инуриты? – заинтересованно сморщил нос дракон. – Еретики?

– Да, лет сто назад империя предоставила им убежище на этом острове. Они раскопали дзеннские развалины и построили на их месте монастырь. При раскопках нашли огромную библиотеку, причем прекрасно сохранившуюся. Инуриты всегда отличались уважением к знаниям, поэтому сохранили ее, хотя ни один из них и не владеет дзенн-анн. Впрочем, теперь, спустя два поколения, возможно, кто-нибудь уже и владеет.

– Что ж, – сказал Вихрь, остановившимся взглядом смотря в одну точку. – Туда я и отправлюсь.

* * *

Влажная жара тропических джунглей Ворама выматывала до предела. Да еще и разбросаны эти джунгли были по предгорьям. Стиор вспомнил Лодунский перевал и вздрогнул – нет уж, пусть лучше джунгли, чем снова карабкаться по обледенелым скалам при ураганном ветре и метели. Повторения того страшного пути маг пожелал бы разве что инквизиторам. В этот момент ушибленная еще в горах, нога в который раз подвернулась. Проклятые горы! Все время о себе напоминают!

Лодунский хребет высочайший в мире. Почему его называли Лодунским, никто не знал – хребет пересекал весь материк, и преодолеть его можно было только через несколько перевалов, один из которых и располагался в Лодуне. Несмотря на тропическую жару внизу, в горах царил мертвенный холод. Считалось невозможным пересечь перевал в зимнее время – метели, лавины, камнепады, ураганный ветер... Но Стиор сделал невозможное – не мог позволить себе терять еще несколько месяцев, ожидая, пока перевал станет проходимым. Была и еще одна причина. Хотя после уничтожения галеры преследователи и отстали, но они продолжали поиски. Маг ощущал потоки внимания всей кожей и понимал, что сидеть на месте нельзя. Он мог себя выдать, даже не подозревая этого. И так порой едва удерживался от применения магии. Да, Ищущие все равно найдут его след, рано или поздно, но пусть лучше поздно.

Старик присел на подвернувшийся пенек и принялся растирать болящую ногу. Одновременно он в который раз анализировал происшедшее, пытаясь понять, а не сделал ли он где-нибудь ошибки? Не применил ли почти неосознанно магию там, где ее применять не стоило?

Со времени уничтожения галеры прошло около года, но Стиор был почти у цели. Тогда, едва выползя на туагский берег, он свалился без сил. А очнувшись, вдруг вспомнил, что давно не проверял наличие матриц. Проверил и онемел от ужаса. На его запястье вместо трех узких и одной широкой темных полосок осталась всего одна – узкая. Три матрицы исчезли! И среди них – та, которую он обязан был донести до родившегося! Стиор взвыл и в отчаянии рухнул на песок, колотя по нему кулаками.

С полдня маг размышлял о самоубийстве, даже наколдовал себе веревку и связал петлю, но затем понял, что ни в чем не виноват: все идет, как надо. Энергоматрицы Тьмы приходят и уходят тогда и только тогда, когда это нужно им самим. И они сами разыскивают тех, кому предназначены, подстраивая вероятности таким образом, чтобы происходящие события приводили к нужному для них результату. Значит, родившийся в Костваде должен сам найти свою матрицу, а не получить ее из рук Стиора. Видимо, так было предначертано Ушедшим. Но для этого родившийся должен сперва стать магом, а магом он, без помощи Стиора, стать не сможет. Значит, именно в этом и заключается долг старика. Остальные матрицы тоже, видимо, должны найти своих носителей, потому и ушли от него. Но почему тогда одна из девяти осталась? Вывод отсюда только один: по дороге в Коствад магу встретится кто-то, кому эта матрица предназначена. Придется внимательно наблюдать за каждым, кто попадется по дороге. Стиор отдохнул еще немного, переночевал в пещерке, незаметной с берега, и наутро двинулся на северо-запад к границе Лодуна.

Попадающиеся по дороге деревни и небольшие городки маг старался обходить – в Туаге Инквизиция обладала почти неограниченной властью. Лучше не рисковать. Поэтому столицу Стиор оставил милях в ста к северу, а других крупных городов в этой нищей стране просто не было. По дороге ему все-таки доводилось встречаться с людьми, но оборванная одежда и невнятный для других народов гнусавый южно-туагский выговор делали мага незаметным. А если кто-нибудь и начинал спрашивать, то Стиор, стараясь казаться косноязычным, отвечал, что, мол, плывал с купцом из Квана, что, мол, корабль потоп, и он остался без гроша. Теперь, мол, домой идет, в деревню на границе с Лодуном, податься боле некуда. Обычно это удовлетворяло спрашивающих, и от Стиора отставали.

А сам маг внимательно присматривался ко всем, кто встречался на дороге – одна из девяти осталась с ним, и поди узнай, кто ей предназначен. Впрочем, когда придет время, матрица даст знать об этом.

Стиору очень хотелось передвигаться быстрее, но он боялся привлечь к себе внимание. А верхового люди в нищем Туаге запомнят обязательно. Лошадей имела только знать, крестьяне запрягали в свои телеги медлительных дзудов, крупных тупых ящеров. На них же и пахали. А магию Стиор применять не решался. Хотя однажды и пришлось – был вынужден создать себе гзorb, резную палочку с печатью князя. Она являлась одновременно удостоверением личности, подорожной и вольной. В Туаге никто, кроме дворян, не имел права ездить куда-либо без разрешения своего господина или его управителя. Если разъезды стражи ловили кого-нибудь без гзорба или разрешения на передвижение, то путника без лишней волокиты ссылали на княжеские серебряные рудники, где всегда требовались рабы.

Стиор, привыкший к богатым городам и деревням империи, с немим ужасом смотрел на окружающую беспросветную нищету. У крестьян без зазрения совести отбирали девять десятых результатов их труда. Отбирали для буйного разгула, вызывающего омерзение у любого нормального человека. Дворянам в Туаге позволялось все, и они творили такое... Изгалялись, насиловали, вешали, пытали, запарывали насмерть за одно слово или взгляд. Главным для аристократов было покрасоваться друг перед другом. Вот и обирали своих крестьян до нитки. А что в результате этого до четверти населения зимой вымирало с голоду, так им на это было плевать – бабы еще нарожают.

Стиор знал о несправедливости мира, но особо о ней не задумывался. То, что он увидел в Туаге, заставило мага понять многое. Немало пересмотрел старик в своих взглядах на мир, жизнь и магию. Однажды он едва смог сдержать себя, увидев, как сжигали заживо население целой деревни. При воспоминании об этом мага затрясло от ужаса и омерзения.

Стиор тогда напоролся на небольшую деревеньку и решил обойти ее. Но в это время в деревню ворвался отряд Инквизиции, и маг затаился в ближайшей роще, моля про себя Создателя, чтобы не нашли. Однако вскоре выяснилось, что святые отцы – не по его душе. Судя

по подслушанным обвинительным речам, местные крестьяне не смогли заплатить налог монастырю. За это монахи объявили несчастных еретиками, и вскоре в деревню прибыли инквизиторы в сопровождении отряда латников.

Маг в полнейшем ступоре наблюдал, как жителей маленькой деревеньки сгоняют в амбар и поджигают его. Как бросают в огонь маленьких детишек, которых несчастные матери в попытке спасти выбрасывали из окон. Нечеловеческие крики сгорающих заживо людей хлестали Стиора по нервам, и маг едва не выл, заставляя себя сдерживаться, чтобы не испепелить нелюдь тут же, на месте. И сумел, понимая, что все инквизиторы Туага немедленно ринутся по его следам. Но бездействие тяжело далось. Еще много дней после этого кошмара старик ковылял через чащу и бормотал, поблескивая воспаленными глазами: «Погодите, Он скоро придет... Вы дождетесь, звери... Он придет...» Именно для того, чтобы Ушедший мог вернуться, Стиор и сдержал себя, ради этого он должен был забыть обо всем. Его жизнь ему не принадлежала, он не имел права рисковать. Хотя горько было сознавать, что мог легко спасти несчастных...

В дороге прошло лето, началась осень. Впрочем, в тропиках это незаметно, разве что стало не так жарко. Но это только внизу. В горах же все было иначе. Морозы, метели и тому подобные прелести делали Лодунский перевал зимой совершенно непроходимым. Стиор, несмотря на это, ждать не мог. Целых полгода? Нет! Ищущие шли по его следу и вполне могли нагнать. К тому же, никому, включая и Инквизицию, в голову не придет, что найдется безумец, способный пойти на перевал в преддверии зимы. Но для такого похода даже магу необходимо было снаряжение, а денег он не имел.

Темной ночью старик пересек лодунскую границу и углубился в предгорья. Еще около месяца ушло, чтобы добраться до перевала, минуя столицу – туда лучше не соваться, слишком опасно. Воспользовавшись чутьем прирожденного мага, Стиор пробрался в забытые гномьи пещеры и отыскал зарытый в незапамятные времена клад. Он взял совсем немного, ровно столько, сколько нужно для покупки снаряжения и продуктов. В маленьком лодунском городке Ринсе, где останавливались все, идущие через перевал, маг купил теплую одежду и все необходимое для путешествия через горы.

В Лодуне, торговой республике, жили намного богаче, но населения было значительно меньше, чем в Туаге. Прибыль от торговли позволяла лодунцам нанимать опытных наемников, с их помощью отражая набеги воинственного и нищего соседа.

Через несколько дней маг незаметно выбрался из Ринса и двинулся по опустевшей в преддверии зимы дороге на перевал. Поднявшись повыше, Стиор снова начал применять магию, зная, что до весны все следы исчезнут, выметенные метелями, буранами и ураганным ветром. Когда все закончилось, старик старался не вспоминать страшную дорогу. Кошмар, в полном смысле слова. Пропасти, обледенелые скалы, выдувающий последние крохи тепла ветер, бьющая в лицо снежная крупа. Без помощи заклинаний, не известных почти никому на Танре, Стиор не смог бы выжить в этом ужасе. Все силы, все чему он успел научиться за свою довольно долгую жизнь, было использовано для выживания. Маг смог совершить невозможное, такого не совершал еще никто за всю историю его мира. Зато, спустившись по ту сторону перевала, свалился на неделю возле первого найденного родника. Теперь он мог позволить себе маленький отдых – обогнал преследователей минимум на полгода.

Поход по джунглям – тоже отнюдь не подарок, но ни в какое сравнение не шел с дорогой через перевал. Граница Лодуна с Ворамом проходила по горам, так что Стиор не беспокоился. Да и почти безлюдна эта страна, вся ее жизнь сосредоточилась на восточном побережье в трехсотмильной прибрежной полосе. Плодородные земли находились только там. А дальше шли дикие джунгли, только формально принадлежащие Вораму. Если тут кто-нибудь и жил, то это были племенные союзы, платящие столице небольшую дань. Да и то, если их могли отыскать – дикари, в основном, постоянно передвигались вслед за стадами сумгов, больших шестиногих

животных, служащих людям в джунглях основной пищей. Каждый из племенных союзов жил по своим собственным законам, Церкви не удавалось навязать им веру в Спасителя. Иногда тут попадались даже племена орков, сатиров и дварфов. Но они никого не интересовали – война с ними обошлась бы слишком дорого и не принесла никакой прибыли. Поэтому даже вездесущая Церковь махнула на запад Ворама рукой, изредка посылая туда экспедиции миссионеров – надо же как-то наказывать прощтрафившихся святых отцов.

Стиор шел день за днем, продираясь сквозь джунгли и обходя любое поселение. Заклинание поиска разума, которым маг окутал себя, заранее предупреждало о встрече с любым разумным существом, и он этой встречи благоразумно избегал. К чему создавать самому себе проблемы? Уж подманить мелкое животное на ужин Стиор мог всегда, ему совсем не требовалось заходить в поселения племен, чтобы добыть еду. От всех остальных опасностей диких джунглей его оберегали еще несколько заклинаний. Здесь старик не боялся использовать магию, считая, что если ее следы и будут кем-то обнаружены, то все спишется на шаманов племен.

Чем ближе Стиор подходил к границам Коствада, тем больше прогалин и полян появлялось вокруг. Вскоре джунгли закончились, и перед магом потянулась унылая, поросшая редким кустарником полупустыня. А впереди темной стеной выросло Чернолесье. Прошла неделя, и он оказался у опушки, задумчиво глядя на покрытые мхом стволы могучих деревьев, устремившихся вверх на сотни метров. Никто и никогда за последнюю тысячу лет не рисковал соваться в этот страшный, непонятный, живущий своей жизнью лес. Разве что экспедиции вездесущей Церкви изредка пытались проникнуть сюда. Их снабжали переговорными камнями, но кроме воплей боли и ужаса, доносившихся из этих камней через несколько дней после ухода экспедиции, святые отцы так и не смогли ничего получить. Живым не вернулся никто. В конце концов, они махнули рукой на Чернолесье, так же, как и на Джоудан.

Маг тяжело вздохнул – хоть он и принадлежал Тьме, но об этом лесе тоже не знал почти ничего. Больше, чем кто-либо другой, но все же слишком мало. Впервые за очень долгое время Стиор во всю силу развернул завесу Тьмы. Здесь он вообще перестал бояться обнаружения – в Чернолесье могло случиться что угодно, и Инквизиция это знала. Поэтому на любые всплески магии около этого леса никто не обращал внимания. Никогда. Завеса медленно распрямила крылья, и торжествующая радость наполнила душу старого мага, сила забила в каждой жилке его тела. Только несколько раз, еще в молодости, во время своего путешествия он смог опробовать это и подобные ему заклинания в безлюдных местах Срединного архипелага.

Несколько шагов, и вокруг Стиора сомкнулась полутьма, как будто он оказался в подземье. Свет почти не проникал к подножиям гигантских деревьев, стволы которых покрывал белесый, противный на вид, да и на ощупь, мох. Землю устилал ковер шевелящихся, покрытых белесой же слизью мокриц. Маг шел очень осторожно, пробуя посохом почву перед собой – пришлось возвратиться тому первозданный вид, чтобы не попасть во внезапно открывающиеся перед неосторожным путником ямы. Подлой особенностью Чернолесья являлись именно эти ямы с зыбучей грязью, до поры до времени скрывающиеся от постороннего взгляда. Ступи неосторожно – и митькой звали, никакая магия не поможет. Благо, что такие ловушки установлены только на первых двадцати-тридцати милях. Хотелось бы знать, кто их установил. Явно кто-то, очень не любящий незваных гостей.

Стиор поднял голову – книги не гнали, на высоте нескольких человеческих ростов он заметил плотные белые сети паутины. Маг нервно поежился, представив паучков, способных выплести такие сети. Говорили, что пауки Чернолесья охотятся и на людей. Попадать в их лапы не хотелось – эти милые существа держали свою добычу живой много дней, медленно поедая ее. По рассказам учителя Стиора, в незапамятные времена на Танре существовала раса гигантских разумных арахноидов, очень похожих на пауков Чернолесья. Они сумели достичь до высшей ступени развития духа и ушли куда-то в иные пространства, заниматься чем-то

уж вовсе непредставимым. Маг очень хотел надеяться, что когда-нибудь и человеческая раса достигнет таких высот, но, хорошо зная людей, поверить в это не мог.

Медленно пробираясь между узловатыми корнями исполинов, Стиор изо всех сил старался не наступать на ползающих повсюду мокриц. Но порой они устилали землю сплошным ковром, и приходилось идти прямо по ним, едва сдерживая тошноту. Навершие посоха светилося неярким светом, освещая дорогу. Жить в этом месте не захотелось бы никому. Правда, лучшего убежища от Церкви не найти – ни одному из инквизиторов не придет в голову искать кого-либо в Чернолесье. В любом другом отыщут на раз – всеми фибрами души Стиор ощущал, что его не перестали искать, а наоборот – ищут еще интенсивнее. Похоже, что теперь этим занялась не только Церковь, но и кто-то еще – слишком уж плотным стал поток внимания, направленный на личность некоего Стиора арн Нада. Видимо, без Конторы тут не обошлось. Впрочем, что бы ему лично ни грозило, долг превыше всего.

Ноги уже заплетались, очень хотелось отдохнуть. Но на всей дороге через лес ему так и не попалось ни одного сухого места. Стиор прошел уже около тридцати миль и больше просто не мог, но выхода не видел, и продолжал путь. Он внимательно всматривался в просветы между стволами деревьев, но ничего подходящего для ночлега так и не попалось. Все вокруг так же усеивали мокрицы, а несколько раз ему попались на глаза маленькие пестрые змейки, в которых маг с содроганием узнал стисс, самых ядовитых змей Арбадона. Только часа через два поля мокриц, наконец, закончились, и магу стали попадаться относительно сухие места. В конце концов, удалось отыскать небольшую полянку, и Стиор рухнул на траву пластом, изнемогая от желания тут же уснуть. Но сначала все же заставил себя огородить место ночлега завесой Тьмы, которая отгонит любое живое существо, внушив ему непреодолимый ужас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.